

Семантика конструкций с сентенциальными актантами в адыгейском языке

1. Введение

При изучении полипредикативных конструкций принято четко противопоставлять актантные и обстоятельственные предложения. Актантными предложениями (или конструкциями с сентенциальными актантами, далее КСА¹) обычно называют конструкции, в которых зависимая предикация замещает одну из валентностей главного предиката, обстоятельственными – конструкции, в которых зависимая предикация является сирконстантом в главной предикации. Иными словами, проводится параллель между различными типами полипредикации и именными актантами и сирконстантами в простом предложении. Такой подход отражает тот факт, что в различных языках зависимая предикация, выраженная различными видами номинализаций (масдар, отглагольное имя и т. п.), обычно присоединяет те же падежные показатели (или предлоги / послелоги), что и имя при данном матричном предикате. Приведем примеры:

- (1) Я боюсь волка (GEN). Я боюсь воя (GEN) волков.
(2) I'm afraid of him. I'm afraid of his doing nothing about the work.
'Я боюсь его'. 'Я боюсь того, что он ничего не делает в связи с работой'.

В приведенных примерах стимул при глаголе *бояться* оформляется одинаково независимо от того, выражается ли он именем или предикацией, – т. е. родительным падежом в русском языке и предлогом *of* в английском.

В ряде языков обстоятельственные предложения также могут кодироваться различными видами номинализаций. Обычно в таком случае они оформляются теми же падежными

¹ В настоящей статье будут использоваться следующие термины: сентенциальный актант (СА) – зависимая предикация, которая является синтаксическим актантом некоторого подчиняющего предиката; стратегия оформления СА – средства, используемые для оформления СА; матричный предикат – предикат, способный подчинять СА; зависимая ситуация – ситуация, обозначаемая зависимой предикацией.

показателями / предлогами / послелогоми, что и имя в данной позиции. Ср., например, данные марийского языка²:

МАРИЙСКИЙ

(3) šokšə-lan **köra** məj okna-m роç-əп-am
жара-DAT³ из.за я окно-ACC открыть-PST-1SG
Из-за жары я открыл окно.

(4) čəla tide alakö-p šuko tamlə-m koč-m-əž-lan **köra**
все это кто.то-GEN много сладкое-ACC есть-POSS.3SG-DAT из-за
Все это из-за того, что кто-то слишком много ест сладкого.

Одно из средств выражения причины в марийском языке – послелог *köra*, управляющий дательным падежом. Данная конструкция используется как при именах (3), так и в случае, если причина выражена предикацией (4).

Однако в языках не всегда четко проводится граница между актантными и обстоятельственными предложениями. Хорошо известно, что существуют случаи, когда совершенно неочевидно, актантный или сирконстантный статус имеет некоторая именная группа в предложении (см., например, [Храковский 1998; Плунгян, Рахилина 1998 и др.]). В случае с полипредикативными конструкциями эта проблема еще более усложняется ввиду того, что зачастую для кодирования СА используются обстоятельственные союзы и союзные слова. Такое употребление допускает союз *когда* в русском языке:

(5) Я люблю, когда у тебя хорошее настроение.

(6) Я боюсь, когда волки воют.

Интересно, что в (5) и (6) союз *когда* обладает различными свойствами. В частности, это видно при попытке заменить *когда* в данных примерах на такие подчинительные средства, как *всякий раз*, *когда*; *всегда*, *когда* или др. Если для (6) такая замена кажется возможной, то для (5) она абсолютно недопустима; ср.:

(7) *Я люблю {всякий раз, когда} / {всегда, когда} у тебя хорошее настроение.

(8) ^(?)Я боюсь {всякий раз, когда} / {всегда, когда} когда волки воют.

По-видимому, *когда* в (5) употребляется десемантизировано, т. е. не имеет семантики временной соотнесенности. Наоборот, в (6) возможна временная интерпретация данного союза; тогда (8) понимается, как 'Я испытываю страх (всякий раз), когда волки воют'. Таким образом,

² Пример (3) получен А. Егорушкиным, пример (4) – А. Хитровым.

³ При глоссировании примеров из марийского языка используются следующие сокращения: ACC – аккузатив, GEN – генитив, DAT – датив, POSS – притяжательный показатель.

зависимая предикация в (6) может быть интерпретирована, как обстоятельственное предложение, в то время как для (5) такое понимание невозможно. Возникает предположение, что данные примеры неодинаковы с точки зрения актантного / сирконстантного статуса зависимой предикации⁴: если в (6) возникает предположение, что *когда* вводит обстоятельственное предложение, а не СА, то (5) не допускает такой интерпретации. Заметим, что глагол *любить* – не единственный матричный предикат, допускающий оформление СА союзом *когда*. Такая стратегия оформления возникает также при его синонимах *нравиться*, *обожать* и др.

Обсуждаемое явление не ограничивается данными русского языка. В ряде языков зависимая предикация при глаголах восприятия *видеть* и *слышать* может оформляться временными союзами или предлогами/послелогоми (например, хинди [Катенина 1960: 89]); при предикатах оценки довольно часто используются условные союзы (например, нганасанский⁵) и т.п. В связи с этим особенно интересны КСА в полисинтетических языках, где зачастую встает вопрос о правомерности использования понятий «актант» и «сирконстант» по отношению к именованным группам (в свете теории прономинальных аргументов [Jelinek, Demers 1994]).

В настоящей работе рассматривается система стратегий оформления СА в адыгейском языке. Адыгейский материал интересен тем, что «обстоятельственное» оформление СА возможно для значительно бóльшего количества матричных предикатов, чем в русском и в других упомянутых выше языках. Мы попытаемся определить семантические инварианты для различных стратегий оформления СА и ответить на вопрос об их обстоятельственном или актантном статусе на основе их семантики.

Статья организована следующим образом. В п. 2 представлен обзор основных стратегий оформления СА в адыгейском языке. В п. 3 и 4 делается попытка объяснить распределение «актантных» и «обстоятельственных» стратегий оформления при различных типах матричных предикатов.

⁴ Заметим, что обсуждаемые глаголы различным образом реагируют на опущение стимула – тест на актанты/сирконстанты, который опирается на соображение, что сирконстант, в отличие от актанта, всегда может быть опущен; см. [Апресян 1974: 149]. Опущение стимула возможно для данных глаголов в различной степени: *Я боюсь* может свободно использоваться без обозначения стимула (как синоним *Мне страшно*), в то время как опущение стимула при *любить* (^{??}*Я люблю*) возможно лишь при эмфатическом выделении, или если стимул известен из контекста / конситуации.

⁵ М.М. Брыкина, устное сообщение.

2. Стратегии оформления сентенциального актанта в адыгейском языке

2.1. Обзор основных стратегий оформления СА

В типологии КСА принято разделять предикаты, способные присоединять СА, на два класса – так называемые первичные и вторичные матричные предикаты (в терминах [Dixon 1995]; см. так же [Храковский 1985; Noonan 1985]). Класс первичных предикатов характеризуется семантической автономностью, т. е. способностью описывать некоторую ситуацию действительности. Это, например, эмотивные глаголы с семантикой ‘хотеть’, ‘любить’, ‘бояться’, глаголы восприятия ‘видеть’, ‘слышать’, глаголы речи ‘говорить’, ‘велеть’ и т. п. Наоборот, вторичные матричные глаголы сами по себе не обозначают некоторую ситуацию в мире, но модифицируют какие-либо характеристики другой ситуации. Это фазовые глаголы с семантикой ‘начинать’, ‘заканчивать’, модальные глаголы ‘мочь’, ‘должен’, ‘надо’; кроме того, в ряде языков существуют аспектуальные матричные предикаты (например, обозначающие интенсивность действия), отрицательные глаголы и др. [Недялков 1979]. В адыгейском языке зафиксировано значительное число таких предикатов, в том числе, наряду с модальными и фазовыми глаголами, довольно много грамматикализованных аспектуальных глаголов (см. подробнее [Киммельман 2007]).

Своеобразие семантики вторичных предикатов обычно отражается на их синтаксических свойствах: во многих языках данные предикаты допускают особые стратегии оформления СА, а также демонстрируют сильную тенденцию к грамматикализации (при этом главный и зависимый предикаты начинают функционировать как единое целое, проявляя до некоторой степени свойства аналитической глагольной формы). В силу этого в исследованиях по сентенциальным актантам первичные и вторичные классы предикатов довольно часто рассматриваются отдельно. В настоящем исследовании основным объектом изучения являются конструкции, возникающие при первичных матричных предикатах. Некоторые конструкции с вторичными предикатами все же входят в предмет нашего рассмотрения; однако таких случаев сравнительно немного. Мы также не рассматриваем стратегии оформления различных видов косвенного вопроса: как и во многих других языках, в адыгейском для данного вида полипредикации используются особые стратегии, которые не анализируются в рамках нашей работы.

Основные средства кодирования СА в адыгейском языке – это различные глагольные формы, традиционно причисляемые к нефинитным: основа глагола без суффиксальных показателей, потенциалис (см. п. 9.3.1.1, 9.3.1.3, 9.3.1.4 введения к наст. сб.), форма с префиксом *zere-* (см. п. 9.3.1.2 введения) – мы называем ее фактивной формой – и основа глагола с падежным показателем (в традиционной терминологии инфинитив, масдар и супин, причастие, деепричастие, соответственно). Уточним, что в адыгovedении не существует единого мнения относительно трактовки перечисленных форм: например, супин особо выделяют лишь некоторые

исследователи [Керашева 1984; Рогава, Керашева 1966]. Инфинитив выделяется в ряде работ, однако исследователи используют данный термин различным образом, см. ниже. Рассмотрим перечисленные стратегии подробнее.

Первые две стратегии используются только для оформления СА при вторичных матричных предикатах, и в данной работе подробно рассматриваться не будут. Это основа глагола без суффиксальных показателей (данная форма обозначается термином «чистая основа» в [Керашева 1984: 121–134], «инфинитивный глагол без какого-либо суффикса» в работе [Рогава, Керашева 1966: 329], «инфинитив» в [Кумахов 1989: 277–278]):

- (9) Iynklybзэхэр згъэкIод сихабз.
 ?_wənç'əbze-xe-r **z-xe-k_wed** s-jə-xabz
 ключ-PL-ABS 1SG.A-CAUS-терять 1SG.PR-POSS-закон
 'Иногда бывает, что я теряю ключи'.

В (9) в данной форме выступает глагол k_wedə 'терять' при главном предикате xabz 'закон', который в таком грамматикализованном употреблении имеет видовое значение итератива или хабитуалиса.

Данная стратегия используется при грамматикализованных аспектуальных и модальных предикатах, (см. подробнее [Киммельман 2007]). При фазовых глаголах с семантикой начинательности и при модальных глаголах faje 'надо', леç'ə- 'мочь' употребляется форма потенциалиса (показатель -n) без падежных показателей:

- (10) Лагъэхэр стхъакIын фае.
 Iawe-xe-r s-thaç'ə-n faje
 тарелка-PL-ABS 1SG.A-мыть-ПОТ надо
 'Мне надо помыть посуду'.

Большинство исследователей обозначают форму с показателем -n в таких контекстах термином «масдар» («имя действия» в работе [Paris, Vatouka 2005]). М.А. Кумахов [1989] считает масдаром потенциалис с падежным показателем, а потенциалис без падежных показателей (см. (10)) называет инфинитивом. Здесь и далее данная форма и в тех, и в других контекстах обозначается «потенциалисом» и глоссируется, как POT (см. обоснование данного подхода в статье Н.В. Сердобольской «Второе будущее, инфинитив, масдар и супин в адыгейском языке: аргументы за и против единой трактовки» в наст. сб.).

В фокусе внимания настоящей статьи находятся следующие три стратегии, которые оформляют СА при матричных предикатах первичного класса. Это фактивная форма с префиксом zere-, глагольная форма с показателем падежа и потенциалис с падежным показателем. Рассмотрим их подробнее.

Фактивная форма (*причастие* в адыговедческой традиции) образуется с помощью

префикса *zere-* и оформляется показателем падежа, который приписывает матричный предикат:

(11) Ахъцэ дэгъу кызыэригъахъэрэр сыгу рехы.

ахъ'е дек_w qə-zer-jə-vaхе-re-r s-əg_w r-j-e-hə
деньги хорошо DIR-FCT-3SG.A-зарабатывать-DYN-ABS 1SG.PR-сердце LOC-3SG.A-DYN-нести
'Мне нравится, что он хорошо зарабатывает'.

Употребление фактивной формы подробно описано в работе [Герасимов, Ландер 2008]. Согласно данной работе, фактивная форма используется, если зависимая предикация имеет семантику факта (в понимании [Kiparsky, Kiparsky 1971; Арутюнова 1988; Зализняк 1990 и др.]). В данных работах факт определяется как единица знания или памяти, принадлежащая логическому, а не реальному пространству:

(12) Мы видим, что правительство ничего не решает [НКРЯ]⁶.

Факту противопоставляется событие (или ситуация), которое принадлежит реальному миру и, следовательно, доступно непосредственному восприятию.

(13) Я видел, как дети дрались.

(13) представляет собой пример события: речь идет о зрительном восприятии ситуации говорящим. Факт выделяется в (12), где на основании некоторых событий (или их отсутствия) субъект делает соответствующее заключение.

Анна А. Зализняк [1990] показывает, что факт отличается от события по ряду признаков. В частности факт способен включать отрицание (14a). Событие не может включать отрицание (14b): соответствующий смысл должен быть выражен иначе, например, как в (14c).

(14) а. Я видел, что поезд не остановился.

б. *Я видел, как не остановился поезд.

в. Я видел, как поезд прошел мимо, не останавливаясь [Арутюнова 1988: 116].

Тем самым говорящий не может воспринимать непосредственно «не-остановку» поезда (14b), но может осмысливать воспринимаемую им ситуацию (14c) как факт, включающий отрицание (14a).

Факты обычно пресуппозитивны, т. е. являются истинными вне зависимости от истинности матричного предиката: например, если главный предикат находится в сфере действия отрицания, истинность зависимой предикации сохраняется:

(15) Он не видел, что поезд не остановился.

Отрицание при *видеть* не влияет на истинность зависимой ситуации: в (15), как и в (14a),

⁶ Национальный корпус русского языка, <http://ruscorpora.ru>.

сохраняется пресуппозиция, что поезд не останавливался.

Далее, факт не локализован во времени и пространстве, в то время как ситуация, будучи элементом реального мира, имеет параметры времени и места. Поэтому главная предикация может содержать указания на время и место, если СА обозначает событие (16); при фактивных СА это невозможно (17).

(16) Иван вчера видел, как твой племянник играл в мяч и разбил окно.

(17) То, что Иван опоздал, неудивительно / *произошло вчера.

Указание на факт всегда производно от указания на событие. В результате одному событию может соответствовать несколько фактов, в то время как факту соответствует только одно событие: так, два факта *Я испачкал книгу* и *Я пролил на книгу чай* могут относиться к одному событию [Арутюнова 1988: 534].

В работе [Герасимов, Ландер 2008] убедительно показано, что основная функция фактивной формы в КСА адыгейского языка – обозначение факта в контекстах, аналогичных (12), (14а) или (15) и (17). Ср. примеры с матричным предикатом оценки $de_{w\theta}$ ‘хорошо’: в (18) речь идет о факте; для обозначения события при данных глаголах используется другая стратегия:

(18) Аслъан къызэрэкӀуагъэр дэгъу.

[aslan qə-zere-k_wa-ke-r] $de_{w\theta}$

Аслан DIR-FCT-идти-PST-ABS хороший

‘То, что Аслан приехал, — хорошо’ [Герасимов, Ландер 2008: 292].

(19) Пчыхъарэ къэпкӀухъанкӀэ дэгъу.

pč'əha.re qe-p-k_wə.ha-n-č'e $de_{w\theta}$

по.вечерам DIR-2SG.A-идти-POT-INS хорошо

‘Хорошо (~приятно) гулять по вечерам’.

(18) и (19) противопоставляются по тому же принципу, что (12) и (13): в (19) говорящий имеет в виду эмоцию, получаемую при непосредственном восприятии зависимой ситуации, в то время как (18) является результатом осмысления ситуации в СА (см. так же (11) и комментарии к примерам (52)–(58) в статье Н.В. Сердобольской «Второе будущее, инфинитив, масдар и супин в адыгейском языке: аргументы за и против единой трактовки» в наст. сб.).

Кроме того, как показывают Д.В. Герасимов и Ю.А. Ландер [2008], фактивная форма может использоваться для обозначения образа действия, например:

(20) Сэ сыгу рехъы, ащ орэд къызэриорэр.

se sə-g_w r-j-e-hə a-š' wered qə-zer-jə-?_we-re-r

я 1SG.PR-сердце LOC-3SG.A-DYN-нести TOT-ERG песня DIR-FCT-3SG.A-говорить-DYN-ABS

‘Мне нравится, как он поет’.

Следующая стратегия, которая возникает при большей части матричных предикатов в адыгейском языке, представлена в (19). Речь идет о потенциалисе с падежным показателем (масдар в адыговедческой традиции; ср. [Рогава, Керашева 1966; Кумахов 1989; Зекох 2002]). Данная стратегия возникает при большинстве матричных предикатов первичного класса в нефактивных контекстах. Потенциалис при этом должен быть оформлен падежным показателем.

В адыгейском языке выделяют четыре падежа: эргатив (показатель -m), абсолютив (-r), инструменталис (-č'e) и обстоятельственный падеж (-ew)⁷. Эргатив используется для обозначения агенса при переходных глаголах, косвенного объекта, посессора и различного рода обстоятельств; абсолютивом кодируется субъект при непереходных глаголах или объект при переходных глаголах; инструментальным падежом обозначаются инструмент, пролатив и различные косвенные дополнения; наконец, обстоятельственный падеж служит для обозначения обстоятельства образа действия, для кодирования наречий, вершины релятивного оборота и др. (подробнее об основных функциях падежей см. статью Н.В. Сердобольской и Ю.Л. Кузнецовой «Двойное падежное маркирование: уникальный случай адыгейского языка» в наст. сб. и п. 6.1 введения). Любой из четырех имеющихся падежей может присоединяться к форме потенциалиса.

Последняя стратегия представляет собой глагольную основу, оформленную инструментальным падежом на -č'e (19) или обстоятельственным падежом с показателем -ew (21).

(21) Азэма́т к̄як̄лоу к̄ыысц̄эх̄у.

azemat qa-k_w-ew qə-s-š'-e-χ_wə

Азэма́т DIR-идти-ADV DIR-1SG.IO-LOC-DYN-статья

‘Мне кажется, Азамат идет’.

В таких конструкциях глагольная форма сохраняет все согласовательные и временные показатели, а также показатели версии, локативные префиксы, видовые и др. суффиксы, в отличие от глагольной формы в (9), которая не присоединяет временных показателей и согласовательного суффикса множественного числа. Например, в (22) показатель инструментального падежа присоединяется непосредственно после показателя прошедшего времени -в̄е; глагольная форма при этом оформлена личным согласовательным показателем 3-го лица единственного числа:

(22) Асл̄я́н п̄ц̄ы ы̄усыг̄эк̄л̄э сыг̄уг̄о́р̄эп̄.

[asʎan p̄cə ə-wəsə-~~в̄е~~-č'e] sə-g_wəχ_we-r-ep

Аслан ложь 3SG.A-сочинить-PST-INS 1SG.ABS-надеяться-DYN-NEG

‘Я не думаю, чтобы Аслан соврал’.

⁷ З.И. Керашева [Рогава, Керашева 1966; Керашева 1984 и др.] обозначает масдар с показателем обстоятельственного падежа термином «супин», однако другие исследователи не выделяют данную форму особо, называя все такие употребления «масдаром».

Иначе говоря, зависимая предикация в данных примерах сохраняет все морфосинтаксические свойства, характерные для финитных глагольных форм, возглавляющих независимое предложение (по всей видимости, за исключением наклонения). Единственный показатель зависимости в таком случае – это падежный маркер.

Сохранение глагольных свойств послужило причиной особой трактовки данных форм в адыгovedении. Глагольная форма с показателем *-ew* трактуется большинством исследователей как деепричастие [Зекох 1976; Керашева 1984 и др.]. Формы с показателем *-č'e* образуются так же, как фрустратив (см. статью Ю.Л. Кузнецовой «Наклонение в адыгейском языке» в наст. сб.). Фрустратив определяется как форма «бесполезного» действия, или действия с аннулированным результатом (например, действия, обозначаемого глаголом *найти* в примере [Что с того, что] ты нашел очки – я опять их потеряла).

Мы оставляем в стороне вопрос о том, можно ли трактовать глагольную форму в примерах, аналогичных (21), как деепричастие. Форма с показателем инструментального падежа в большинстве употреблений КСА вряд ли может быть охарактеризована как обладающая семантикой фрустратива (см., однако, (59)–(60)). Поэтому мы будем использовать для обеих глагольных форм термин «глагольная основа с показателем инструментального / обстоятельственного падежа».

Уточним, что глагольная основа с показателем инструментального падежа не должна отождествляться с отглагольным именем с показателем *-č'e* (например, *кlyаклэ* 'манера хождения, походка' от *клон* 'ходить', *цылаклэ* 'образ жизни' от *цылэн* 'жить' в [Кумахов 1964: 121]) с семантикой образа действия. В отличие от глагольной формы в (22) отглагольное имя с показателем *-č'e* демонстрирует именные свойства, например способность оформляться маркером отторжимой принадлежности *-jə-*:

(23) Ахэм якъэшъуаклэ слъэгъугъэ.

а-хе-м ja-qe-š_wa-č'e s-лeк_wə-кe
ТОТ-PL-ERG 3PL.PR+POSS-DIR-танцевать-NML 1SG.A-видеть-PST
'Я видел, как они танцевали'.

Важно отметить, что, в отличие от фактивной формы и потенциалиса, глагольная основа, возглавляющая СА, не может оформляться показателями ядерных падежей⁸, т. е. абсолютном и эргативом; ср.:

⁸ В принципе в адыгейском языке все глагольные формы могут присоединять падеж при отсылке к участнику ситуации (*к_wa-кe-г* идти-PST-ABS 'ушедший', *к_we-š'tə-г* идти-FUT-ABS 'тот, который пойдет' [Рогава, Керашева 1966: 314–315]), т. е. в относительных предложениях (см. подробнее п. 9.3.3 введения). Однако в данном случае имеются в виду конструкции, где глагольная форма обозначает не участника ситуации, а саму ситуацию, т. е. возглавляет СА.

(24) *Азэмаг къагол къысцэху.

*azemat qa-k_we-r qə-s-š'-e-χ_wə

Азамат DIR-идти-ABS DIR-1SG.IO-LOC-DYN-стать

ожидаемое значение: 'Мне кажется, Азамат идет'.

Подобные примеры в адыгейском языке неграмматичны, несмотря на то что имена при соответствующих предикатах оформляются ядерными падежами. В частности, глагол š'əχ_wə 'полагать' имеет модель управления <ERG (субъект мнения) ABS (тема)>. Если валентность темы заполняет именной актанта, он оформляется абсолютивом:

(25) Сэ ар къысцэху.

se a-r qə-s-š'-e-χ_wə

я тот-ABS DIR-1SG.IO-LOC-DYN-стать

'Я так думаю'.

Уточним, что если речь идет об именных актантах, такое оформление является единственно возможным. Иначе говоря, именные и сентенциальные актанта требуют принципиально различного падежного оформления.

В таблице 1 представлены перечисленные стратегии оформления СА (при первичных матричных предикатах) и распределение падежных показателей при данных стратегиях.

Таблица 1. Падежное оформление зависимого предиката в различных стратегиях оформления СА

Стратегия оформления СА	Абсолютив на -г	Эргатив на -т	Инструментальный падеж на -ц'е	Обстоятельный показатель -ew
Фактивная форма на zero-	+	+	+	+
Глагольная форма без показателей подчинения	-	-	+	+
Потенциалис с показателем -п	+	+	+	+

2.2. Вариативность падежного оформления зависимого предиката в КСА

На первый взгляд, система стратегий, оформляющих СА в адыгейском языке, кажется довольно простой: матричные предикаты первичного класса допускают три различные стратегии, распределение которых, как можно предположить, зависит от семантики зависимой ситуации. Однако при ближайшем рассмотрении возникает следующая проблема. Как уже говорилось выше, все три стратегии присоединяют падежные показатели. Выбор падежного показателя в данных конструкциях может быть задан моделью управления главного предиката:

(26) КIалэм пшъашъэр ыгу рехьы.

č'ale-m pšaše-r ə-g_w r-j-e-hə
парень-ERG девушка-ABS 3SG.PR-сердце LOC-3SG.A-DYN-нести
'Парню нравится девушка'.

(27) Цумпэр къэсыугъоиныр сыгу рихьырэп.

c_wəmpre-r qe-sə-wəx_weja-nə-r sə-g_w r-jə-hə-r-ep
клубника-ABS DIR-1SG.A-собирать-POT-ABS 1SG.PR-сердце LOC-3SG.A-нести-DYN-NEG
'Мне не нравится собирать клубнику'.

В (27) сентенциальный актант оформляется абсолютивом так же, как именной в (26), что кажется тривиальным (см. типологические параллели в п. 1). Однако адыгейский язык допускает конструкции, в которых СА оформляется другими падежными показателями. Например, при глаголе əg_w rjəhə- 'нравиться' потенциалис может быть оформлен не только абсолютивом, но и инструментальным или обстоятельством падежом:

(28) Цумпэр къэсыугъоинкIэ / къэсыугъоинэу сыгу рехьы.

c_wəmpre-r qe-sə-wəx_weja-n-č'e / qe-sə-wəx_weja-n-ew
клубника-ABS DIR-1SG.A-собирать-POT-INS DIR-1SG.A-собирать-POT-ADV
sə-g_w r-j-e-hə
1SG.PR-сердце LOC-3SG.A-DYN-нести
'Мне нравится собирать клубнику'.

Такая вариативность недопустима с именными актантами; ср. (28) и (29).

(29) *КIалэм пшъашъэ-кIэ / пшъашъэу ыгу рехьы.

*č'ale-m pšaše-č'e / pšaš-ew ə-g_w r-j-e-hə
парень-ERG девушка-INS девушка-ADV 3SG.POSS-сердце LOC-3SG.A-DYN-нести
ожидаемое значение: 'Парню нравится девушка'.

Приведем другой пример. Глагол š'əš'əne- 'бояться' имеет модель управления <ABS(экспериментер) ERG(стимул)>. Если стимулом является объект, он должен быть оформлен эргативом:

(30) Сэ тыгъужъым сыщэщынэ.

se təx_wəʒə-m sə-š'-e-š'əne
я волк-ERG 1SG.ABS-LOC-DYN-бояться
'Я боюсь волка'.

СА в данной позиции чаще всего также оформляется потенциалисом с показателем эргатива:

(31) Сэ чэщым сизакъоу къэсклухъаным сыщэщынэ.

se č'ěš'ə-m s-jə-zaq_w-ew
я НОЧЬ-ERG 1SG.PR-POSS-ОДИН-ADV
qe-s-k_wə.ha-nə-m sə-š'-e-š'əne
DIR-1SG.A-ИДТИ-ПОТ-ERG 1SG.ABS-LOC-DYN-БОЯТЬСЯ
'Я боюсь ходить один ночью (по улице).'

Однако это не единственный способ оформления. Большинство носителей⁹ допускает при данном глаголе конструкции, в которых зависимый предикат присоединяет показатели неядерных падежей; ср.:

(32) Сэ чэщым сизакъоу къэсклухъанэу/клэ сыщэщынэ.

se č'ěš'ə-m s-jə-zaq_w-ew
я НОЧЬ-ERG 1SG-POSS-ОДИН-ADV
qe-s-k_wə.ha-n-ew /-č'e sə-š'-e-š'əne
DIR-1SG.A-ИДТИ-ПОТ-ADV /-INS 1SG.ABS-LOC-DYN-БОЯТЬСЯ
'Я боюсь ходить один ночью (по улице).'

При именном актанте такая вариативность невозможна; ср.:

(33) *Сэ тыгъужъэу / клэ / р сыщэщынэ.

*se tək_wəž-ew/-č'e/-əг sə-š'-e-š'əne
я ВОЛК-ADV/-INS/-ABS 1SG.ABS-LOC-DYN-БОЯТЬСЯ
(Я боюсь волка.)

Носители комментируют, что падежные показатели инструментального и обстоятельственного падежей в (33) возможны. Однако это допустимо, только если стимулом является не объект, а ситуация:

(34) Чэщы, шлунклы, шъхъаныгъупчъэ кыбым быу макъэ кыщэлу, ар тыгъужъыклэ – бзылъфыгъэр мэщынэ.

č'ěš'ə, š_wənč'ə, šhanə_wəpčə č'əbə-m bəwə maqe qə-š'-e-?_wə,
ночь темно окно за-ERG выть голос DIR-LOC-DYN-СЛЫШАТЬСЯ
a-г tək_wəžə-č'e bzəlfəke-г me-š'əne
ТОТ-ABS волк-INS женщина-ABS DYN-БОЯТЬСЯ
(Ночь, темно, за окном слышен вой.) 'Женщина боится, что это волк' (а не собака).

⁹ Вариант с эргативом (31) обычно признается носителями предпочтительным, однако варианты в (32) также являются возможными (некоторые носители отвергают примеры, аналогичные (32), при глаголе *š'əš'əne*, но разрешают их при *š'əne* 'бояться' без локативного префикса. См. п. 3.1 об оформлении СА при глаголах с таким префиксом).

В данном случае тэ́к_вэ́ж 'волк' синтаксически является не дополнением глагола 'бояться', а именным сказуемым в зависимой предикации. Так как в адыгейском языке именованное сказуемое такого типа употребляется без связки, имя тэ́к_вэ́ж само по себе возглавляет СА со значением 'это волк' и, следовательно, может маркироваться показателем инструментального падежа. Иными словами, такое оформление возможно, если имя отсылает не к объекту – стимулу эмоции, а к ситуации, которая является стимулом.

Существует еще одно важное ограничение, касающееся употребления ядерных падежей. Описанная выше вариативность распространяется только на неядерные падежи, т. е. инструментальный и обстоятельственный. Что касается ядерных падежей, оформление СА строго определяется моделью управления главного предиката. Если главный предикат допускает оформление СА эргативом или абсолютивом, то возможен только один из этих двух падежей – а именно тот падеж, которым оформляется именной актанта; ср.:

(35) Спортсмены́р при́з кы́ыхыны́м (*кы́ыхыны́р) щэ́гугы́.

sportsmjənə-r priz q-ə-hə-nə-m / *q-ə-hə-nə-t¹⁰
 спортсмен-ABS при́з DIR-3SG.A-получить-POT-ERG / *DIR-3SG.A-получить-POT-ABS
 š'-e-g_wəкə
 LOC-DYN-надеяться
 'Спортсмен надеется получить приз'.

(36) Ны́бджэ́гьум щэ́гугы́.

nəbž'ev_wə-m š'-e-g_wəкə
 друг-ERG LOC-DYN-надеяться
 'Он надеется на друга'.

Таким образом, выбор эргатива/абсолютива при СА так же, как и при именованном актанта, жестко задан моделью управления главного предиката. Однако сентенциальные актанта в отличие от именных также допускают неядерные падежи. Это означает, что важно различать не четыре варианта оформления СА падежным маркером, а три: во-первых, ядерные падежи, во-вторых, инструментальный, и в-третьих, обстоятельственный падеж.

В случае если главный предикат имеет валентность, которая кодируется неядерным падежом (т. е. имеет модель управления <ABS INS>), обычно разрешают два варианта оформления СА: инструментальным либо обстоятельственным падежом (например, это касается матричного предиката *veg_wəкə* 'обещать, обнадеживать' с моделью управления <ERG(агенса) ABS(адресат) INS(содержание)>).

Далее, есть ряд предикатов, не способных присоединять именные актанта: это, например,

¹⁰ Такой пример невозможен в том числе в силу недопустимости двух абсолютивных аргументов в одной клаузе.

глаголы *zəxəhazəgə* – ‘собираться’, *g_wəxə* – ‘надеяться’ и др. Данные глаголы присоединяют либо только СА с обстоятельственным падежом (как *g_wəxə* – ‘надеяться’), либо СА с обстоятельственным и инструментальным падежом (как *zəxəhazəgə* – ‘собираться’).

Обстоятельственный падеж возможен при большинстве матричных предикатов; что касается инструментального падежа, круг возможных контекстов более узок.

Итак, СА может оформляться не только падежом, которого требует модель управления главного предиката (абсолютив в случае *əg_w rjəhə* – ‘нравиться’ и эргатив в случае *ʃ’əʃ’əpə* – ‘бояться’), но и неядерными падежами. Такая вариативность не особенность адыгейской падежной системы в принципе, а допускается лишь в КСА. Именные актанты оформляются только тем падежом, которого требует модель управления матричного предиката.

Встает вопрос о том, какие факторы влияют на выбор падежного показателя в КСА. Информанты обычно затрудняются объяснить различия в употреблении того или иного падежного показателя. Однако в некоторых контекстах один из вариантов является предпочтительным, что свидетельствует о неслучайности выбора конкретного маркера.

Определим, какие матричные предикаты в принципе допускают указанную вариативность. В исследованиях по КСА принято рассматривать отдельно матричные предикаты, относящиеся к различным семантическим классам. Выделяют класс эмотивных глаголов, глаголов чувственного восприятия, глаголов речи, ментальных глаголов и предикатов оценки. Также существует класс, для которого не существует устоявшегося термина. Имеются в виду глаголы, в различных языках требующие кореферентности агенса зависимой ситуации субъекту главной либо предполагающие различной степени каузацию (глаголы ‘стараться’, ‘готовиться’, ‘пытаться’, ‘решить’, ‘собираться’, ‘намереваться’, ‘помогать’, ‘позволять’, ‘заставлять’, к которым по синтаксическим свойствам часто примыкают глаголы речевой каузации ‘обещать’, ‘разрешать’, ‘отказываться’ и др.). В настоящей статье для таких глаголов предлагается термин «глаголы потенциальной каузации». Далее, особо выделяются глаголы с семантикой ‘хотеть’ и ‘ждать’, не принадлежащие ни к одной из перечисленных групп.

В ходе исследования рассмотрено более 30 матричных предикатов. Полученные результаты приведены в табл. 2.

Таблица 2. Распределение падежных показателей при различных матричных предикатах

Стратегия оформления	Фактивная форма на zere-		Глагольная основа		Потенциалис на -п		
	ядерные падежи	ост. ¹¹	инстр. падеж	обст. падеж	ядерные падежи	инстр. падеж	обст. падеж
faj- 'хотеть'	–		–	–	–	+	+
ježe- 'ждать'	–		+	–	?	+	+
<i>Ментальные глаголы</i>							
ṣ̌e- 'знать'	+		–	+	–	+	+
š'əwəpše- 'забывать'	+		–	–	–	–	+
ṣ̌wešə- 'казаться'	–		–	+	+/-	+	+
ləte- 'считать, полагать'	–		+	+	–	+	+
jenegwəje- 'предполагать'	?		+	+	–	+	+
š'eχwə- 'думать'	?	-ew	–	+	–	+	+
<i>Эмотивные глаголы</i>							
g_wəke-/g_wəwəe-, š'əg_wəwə-/š'əg_wəwə- ¹² 'надеяться'	–		+	+	+	+	+
(š'ə)š'əne- 'бояться'	–		+	–	+	+	+
jəç'as 'нравиться'	+		–	–	+	+	+
əg_w rjehə- 'нравиться'	+		–	–	+	+	+
ṣ̌wə ləwə- 'любить'	+		–	–	+	+	+
χ_wepse- 'мечтать'	+		–	–	+	+	+
jezeš'ə- 'надоедать'	+	-mč'e	+	+	+	+	+
g_wəṣ̌we- 'радоваться'	+		–	–	–	–	+
feg_wəbžə- 'сердиться'	–	-mč'e,	–	–	–	–	–

¹¹ В данном столбце фиксируются все случаи, когда фактивная форма оформляется иначе, чем ядерным падежом: имеются в виду периферийные падежи (инструментальный и обстоятельственный) или послелог rajə 'для'. В таблице «+» обозначает грамматичность конструкции, «–» неграмматичность; «+/-» – носители расходятся во мнениях; «?» используется при недостатке проверенных данных.

¹² Оба глагола могут выступать в двух вариантах – с лабиализацией (g_wəwəe-, š'əg_wəwə-) и без нее (g_wəke-, š'əg_wəke-). Закономерностей в распределении вариантов не обнаружено; чаще выбирается вариант без лабиализации. В словаре [Водождоков 1960] приводятся оба варианта; в словаре [Тхаркахо 1991] наряду с формой без лабиализации g_wəwəe- также приводится лексема g_wəwə со значением 'тоска' или 'упоминание'.

		-m paje						
<i>Глаголы восприятия</i>								
λeк _w ə- 'видеть'	+	-ew	-	+	-	-	-	-
zexexə- 'слышать'	+		-	+	-	-	-	-
<i>Глаголы речи</i>								
ʔ _w e- 'говорить'	+		-	+	-	-	-	+
g _w əʃ'əʔe (je)tə- 'обещать, давать слово'	-		+/-	-	-	+/-		+
keg _w əwe- 'обнадеживать, обещать'	-	-mç'e	-	-	+	+		+
<i>Глаголы потенциальной каузации</i>								
(f)jeweʒe- 'научить'	-		-	-	+	-		+
pələ- 'пытаться'	+		-	-	+	-		+
zə(fe)kehazərə- 'собираться'	-	-new	-	-	+	-		+
hazərə 'готов'	-	-new	-	-	+	+		+
(de)ʔepəʔe- 'помогать'	-		-	-	+	+		+
fjədə- 'разрешать'	-		-	-	+	+		+
<i>Предикаты оценки</i>								
dək _w ə 'хорошо'	+		-	-	+	+		+
(fe)qjən 'трудно'	-		-	-	+	+		+
psənç'e 'легко'	-		-	-	+	+		+
tχav _w e 'приятно'	?		-	-	+	+		-

На первый взгляд система стратегий оформления СА представляется очень запутанной: довольно большое количество предикатов допускает несколько стратегий оформления, не говоря о вариативности падежного маркирования. Можно, однако, с ходу отметить следующие закономерности. Фактивная форма употребляется в достаточно ограниченном числе контекстов, а именно при фактивных глаголах ʒe- 'знать', ʃ'əw_wəpʃe- 'забывать' и feg_wəbʒə- 'сердиться', а также при глаголах, допускающих фактивные СА: это ряд эмотивных глаголов, глаголы восприятия λeк_wə- 'видеть' и zexexə- 'слышать' и глагол ʔ_we- 'говорить'. При всех перечисленных глаголах данная форма используется в случае, если зависимая предикация обозначает факт.

Можно видеть, что употребление потенциалиса ограничено по временной соотнесенности зависимой ситуации. Потенциалис употребляется, во-первых, при предикатах, вводящих

потенциальную ситуацию. Это глаголы потенциальной каузации, эмотивные глаголы (š'ə)g_wəwe- 'надеяться' и (š'ə)š'əne- 'бояться'. Во-вторых, потенциалис возможен при предикатах, вводящих ситуацию с родовым референциальным статусом (оценочные предикаты, эмотивные предикаты jəç'as 'любить', əg_w rjehə- 'нравиться', š_wə λek_wə- 'любить', χ_wepse- 'мечтать' и jezeš'ə- 'надоедать'). Таким образом, зависимая предикация, возглавляемая потенциалисом, должна иметь родовой либо гипотетический референциальный статус (согласно классификации [Крейдлин, Рахилина 1981])¹³.

Глаголы, по своей семантике предполагающие, что зависимая ситуация принадлежит реальному миру (например, глаголы восприятия), не могут оформлять СА потенциалисом. В таких случаях используется глагольная основа с падежным показателем или фактивная форма.

Распределение падежных показателей при глагольной основе и потенциалисе на первый взгляд совершенно необъяснимо. Большинство эмотивных и оценочных предикатов допускает все три варианта падежного оформления. Глаголы потенциальной каузации делятся на две группы в зависимости от способности маркировать СА показателем инструментального падежа. В остальных классах глаголов выбор падежа варьируется настолько значительно, что, очевидно, не может быть описан как свойство класса. Важно отметить, что вариативность падежного маркирования практически отсутствует при фактивной форме (такая вариативность наблюдается только при предикате jezeš'ə- 'надоедать').

В целом можно заключить, что число стратегий оформления СА не сводится к трем (фактивная форма, глагольная основа и потенциалис). В результате вариативности падежного маркирования число стратегий возрастает до шести: фактивная форма, глагольная основа с обстоятельственным падежом, глагольная основа с инструментальным падежом, потенциалис с ядерным падежом (обоснование единой трактовки форм потенциалиса с эргативом и абсолютном см. (35–36)), потенциалис с обстоятельственным падежом, потенциалис с инструментальным падежом. Ниже мы попытаемся выявить факторы, влияющие на распределение падежных маркеров при глагольной основе и потенциалисе. Фактивная форма в дальнейшем практически анализироваться не будет, так как при ней почти не наблюдается вариативности падежного маркирования.

¹³ Совмещение потенциалисом перечисленных функций может показаться странным, однако на самом деле такая ситуация широко распространена типологически. Аналогичные свойства демонстрируют инфинитивы и целевые формы многих генетически неродственных языков. (См. подробнее п. 3.4 статьи Н.В. Сердобольской «Второе будущее, инфинитив, масдар и супин в адыгейском языке: аргументы за и против единой трактовки» в наст. сб.)

3. Распределение ядерных и неядерных падежей при маркировании сентенциальных актантов

3.1. Противопоставление ядерных и неядерных падежей и проблема актантов и сирконстантов в адыгейском языке

В п. 1 было рассмотрено явление, когда зависимая предикация, которая семантически заполняет валентность матричного предиката (т. е. является СА), кодируется средствами, зарезервированными для обстоятельственных предложений. Как было показано в п. 2, подобное явление наблюдается в адыгейском языке: СА могут маркироваться тем падежом, который требуется моделью управления матричного предиката, либо одним из неядерных падежей. В связи с этим встает вопрос о том, как устроена модель управления у предикатов, приведенных в табл. 2, а также об актантном/сирконстантном статусе зависимой предикации, оформленной ядерными и неядерными падежами.

Матричные предикаты адыгейского языка можно разделить на два типа. Первый включает большинство матричных предикатов, приведенных в табл. 2: это предикаты, при которых СА может вводиться одним из ядерных падежей, т. е. глаголы со следующими моделями управления:

<ERG N/S¹⁴-ABS(содержание, стимул)>, например $\lambda\epsilon\kappa_{w\epsilon}$ ‘видеть’;

<ABS N/S-ERG(содержание, стимул) >, например $\check{s}'\epsilon\lambda\epsilon$ ‘бояться’;

<N/S-ABS(содержание, стимул)>, например $d\epsilon\kappa_{w\epsilon}$ ‘хорошо’.

Второй, более редкий, тип – предикаты, при которых СА всегда вводится неядерным падежом, т. е. глаголы со следующими моделями управления:

<(ERG) ABS N/S-INS(содержание, стимул)>, например $\kappa\epsilon g_{w\epsilon}\epsilon\kappa\epsilon$ ‘обещать’;

<(ERG) ABS S-ADV(содержание, цель)>, например $g_{w\epsilon}\check{s}'\epsilon?e$ (je)t\epsilon ‘давать слово’.

Существует ряд предикатов, образующих пары с точки зрения принадлежности к анализируемому типу. Имеются в виду пары глаголов с локативным или версионным превербом и без такого преверба. Как известно, локативные превербы и показатели версии в адыгейском языке часто используются для введения в модель управления глагола еще одного актанта (см. комментарии к примерам (8)–(10) в статье Н.В. Сердобольской и Ю.Л. Кузнецовой «Двойное падежное маркирование: уникальный случай адыгейского языка», комментарий к примерам (39–

¹⁴ Здесь и далее S в модели управления используется для обозначения сентенциального актант, N – именного.

40) в статье А.Б. Летучего «Аффиксы бенефактива и малефактива: синтаксические особенности и круг употреблений» и комментарии к позиции -5 в п. 5.1 введения к наст. сб.). Актант, введенный с помощью преверба, кодируется эргативом, например:

(37) Ащ концертум зыфегъэхъазыры.

a-š' k_wencertə-**m** zə-f-j-e-ke-hazəṛə

TOT-ERG концерт-ERG RFL.ABS-BEN-3SG.A-DYN-CAUS-ГОТОВ

‘Он готовится к концерту’.

Такое же маркирование может получать СА:

(38) Азэмаат оред къылонум зыфегъэхъазыры.

azemat wered q-ə-ʔ_we-nə-**m** zə-f-j-e-ke-hazəṛə

Азэмаат песня DIR-3SG.A-говорить-POT-ERG RFL.ABS-BEN-3SG.A-DYN-CAUS-ГОТОВ

‘Азэмаат собирается петь’.

Глагол zəfəkeḥazəṛə- ‘готовиться’ имеет модель управления <ABS(агенса) ERG(цель)>, где эргативный участник может обозначать как объект (37), так и ситуацию (38). Глагол без версионного префикса zəkeḥazəṛə- со сходной семантикой имеет модель управления <ABS(агенса) S-ADV(цель)> и, в отличие от глагола с превербом, может присоединять для обозначения цели только сентенциальный актанта:

(39) Азэмаат оред къылонэу зэгъэхъазыры.

azemat wered q-ə-ʔ_we-n-ew z-e-ke-hazəṛə

Азэмаат песня DIR-3SG.A-говорить-POT-ADV RFL.ABS-DYN-CAUS-ГОТОВ

‘Азэмаат собирается петь’.

Иными словами, предикат с превербом может присоединять как сентенциальный, так и именную актанта, а предикат без преверба допускает только сентенциальный актанта. Таких пар в табл. 2 пять: zə(fə)keḥazəṛə- ‘собираться’, (š'e)g_wəwe- ‘надеяться’, (š'ə)š'əne- ‘бояться’, (f)jekeḥe- ‘учить, воспитывать’ и (de)ʔerəʔe- ‘помогать’¹⁵. Первая пара, zəfəkeḥazəṛə- и zəkeḥazəṛə-, не демонстрирует вариативности в падежном оформлении СА: глагол с префиксом допускает только эргативное оформление СА, глагол без префикса – только обстоятельственный падеж. Однако остальные четыре пары глаголов допускают вариативность: глагол без префикса допускает оформление СА инструментальным и обстоятельственным падежом, а глагол с префиксом – все

¹⁵ Это не касается пары qjəp и feqjəp, где версия вводит не сентенциальный актанта, а участника с малефактивной ролью: данные предикаты противопоставляются, как ‘трудно’ и ‘для кого-либо трудно’, соответственно. В глаголе feg_wəbžə- ‘сердиться’, очевидно, показатель версии является грамматикализованным: несмотря на то что данный глагол содержит показатель версии, он может оформлять стимул периферийным падежом, а не только эргативом.

три вида оформления (эргатив, инструментальный и обстоятельственный падеж).

Итак, глаголы с показателем версии или локативным превербом входят в группу предикатов, при которых СА может оформляться показателем ядерного падежа. Рассмотрим, как устроена модель управления данной группы матричных предикатов.

На первый взгляд, кажется правомерным предположение, что в адыгейском языке ядерными падежами вводятся сентенциальные актанты, а периферийными падежами – сирконстанты. Рассмотрим, насколько данное предположение оправданно.

Тест на опущение участника в предложении (тест на актанты/сирконстанты, описанный в работе [Апресян 1974: 149]) дает следующие результаты. Матричные предикаты различным образом реагируют на опущение зависимой предикации. Опущение участника, оформленного ядерным падежом, невозможно; он должен быть выражен соответствующем согласовательным префиксом в глаголе:

(40) *Клалэр малуэ.

ç'ale-r ma-ʔ_we

парень-ABS DYN-говорить

ожидаемое значение: 'Парень говорит / разговаривает / рассказывает'.

(41) а. *Сыщэщынэ.

*sə-š'-e-š'əne

1SG.ABS-LOC-DYN-бояться

ожидаемое значение: 'Я боюсь' (Комментарий: необходимо указать, кого/чего боюсь).

Такое опущение возможно только при матричных предикатах, которые не вводят СА, оформленные ядерным падежом:

(41) б. Сэщынэ!

s-e-š'əne

1SG.ABS-DYN-бояться

'Я боюсь!'

Ср. также:

(42) Цыфым гугэныр ихабз.

çəfə-m g_wəve-n-əg jə-xabz

человек-ERG надеяться-POТ-ABS POSS-обычай

'Человеку свойственно надеяться' [Тхаркахо 1991: 47].

(43) Ным зегъэхъазыры.

nə-m z-e-ke-hazəgə

мать-ERG RFL.ABS-DYN-CAUS-готовиться

‘Мать собирается’ (‘собирает вещи’).

Итак, тест на опущение указывает на то, что зависимые, которые вводятся ядерными падежами, заполняют обязательную валентность матричного предиката, а зависимые, оформленные периферийными падежами, отсылают к необязательным участникам. Соответственно возникает предположение о том, что зависимая предикация, оформленная периферийным падежом, является не СА, а обстоятельственным предложением. Однако принятию данной гипотезы препятствуют следующие факты. Во-первых, не все предикаты второй группы (предикаты, которые вводят зависимую предикацию периферийными падежами) допускают опущение. Возможность опущения при данных предикатах зависит от их семантики, в том числе от наличия дополнительных значений, не требующих наличия зависимой предикации (напр., значение ‘собирать вещи’ в (43)).

Во-вторых, как было показано выше, периферийные падежи могут оформлять зависимую предикацию не только при глаголах второй, но и при глаголах первой группы. Иначе говоря, опущение СА, например в (40), на самом деле не означает именно опущение зависимой предикации, оформленной ядерным падежом. В случае, если зависимая предикация опущена, не ясно, как она была бы оформлена – ядерным или периферийным падежом. Как представляется, в (40)–(41) важно, чтобы в предложении так или иначе был выражен смысл, который кодируется зависимой предикацией. При этом нерелевантно, как этот смысл оформляется, – ядерным или периферийным падежом, т. е. распределение ядерных / периферийных падежей в КСА не связано напрямую с актантным / сирконстантным статусом зависимой предикации. Правильнее было бы сделать следующий вывод: ядерные падежи оформляют только СА; периферийные же падежи могут оформлять как актантные, так и обстоятельственные предложения¹⁶.

Таким образом, распределение падежных показателей в КСА адыгейского языка лишь отчасти связано с актантным / сирконстантным статусом зависимой предикации. Периферийные падежи могут оформлять как актантные, так и сирконстантные предикации. В этом смысле данные показатели ведут себя, как союз *когда* в русском языке: чаще всего данный союз выступает в

¹⁶ Данные выводы соответствуют распределению падежей при именах. Действительно, периферийные падежи чаще всего используются при сирконстантах (см. комментарии к примерам (11)–(12) в статье Н. В. Сердобольской, Ю. Л. Кузнецовой «Двойное падежное маркирование: уникальный случай адыгейского языка» в наст. сб. и п. 6.1 введения). Однако они используются также для кодирования обязательных участников: например, инструментальный падеж может оформлять стимул эмоции при ряде глаголов, обстоятельственный падеж – транслативную роль при глаголах с семантикой ‘выбирать’, ‘назначать’, см. [Vydrin 2008: 425; 435].

обстоятельственных предложениях, однако может также оформлять КСА (см. (5) в разделе 1). При этом выбор говорящим союза (падежа) не жестко зависит от актантного / сирконстатного статуса зависимой предикации; скорее, он определяется семантическими свойствами матричного предиката и союза (падежа). Наиболее важное различие между рассмотренными конструкциями в русском и адыгейском состоит в частотности «обстоятельного» оформления СА: в русском языке данное оформление возможно лишь при некоторых матричных предикатах, в то время как в адыгейском такие конструкции допускаются практически при всех матричных предикатах.

3.2. Особенности зависимой предикации, оформленной ядерными и неядерными падежами

Зависимые предикации, оформленные ядерными и периферийными падежами, демонстрируют ряд синтаксических и семантических различий. Первым следует упомянуть противопоставление в системе стратегий оформления СА. Возвращаясь к табл. 1 в п. 2.1, можно сделать следующее наблюдение: ядерные падежи присоединяются к форме потенциалиса и фактивной форме, но не могут присоединяться к глагольной основе. Это позволяет предположить, что маркирование ядерными падежами возможно только при номинализации зависимого предиката.

Действительно, фактивная форма является номинализованной конструкцией. Она проявляет ряд именных свойств, в частности может выступать в контексте послелогов, модифицироваться указательными местоимениями, а также замещаться указательным местоимением [Герасимов, Ландер 2008].

Потенциалис также демонстрирует именные свойства; в частности, он может присоединять показатели посессивности и допускает опущение падежа и личных согласовательных показателей. Интересно, что данные свойства наблюдаются только у формы потенциалиса с ядерным падежом. Показатели посессивности и опущение падежа при потенциалисе детально анализируются в статье Н.В. Сердобольской «Второе будущее, инфинитив, масдар и супин в адыгейском языке: аргументы за и против единой трактовки» в наст. сб. (см. комментарий к (38)–(41) в указанной выше статье). Рассмотрим подробнее случаи опущения личных показателей.

Глагол в адыгейском языке оформляется лично-числовыми согласовательными префиксами, которые не могут быть опущены в независимом предложении. В зависимой предикации различного типа данные показатели также не опускаются. Однако опущение личных согласовательных префиксов допустимо при форме потенциалиса, оформленной абсолютивом или эргативом. Например:

- (44) Машинэ (с)фыныр кыысфэкъин.
 mašine (s)-fə-nə-r qə-s-fe-qjən
 машина (1SG.A)-водитъ-POT-ABS DIR-1SG.IO-BEN-трудно
 Мне трудно водить машину.

- (45) (С)тефэным сыщэщынэ.
 (s)-tje.fe-nə-m sə-š'-e-š'əne
 (1SG.ABS)-падать-POT-ERG 1SG.ABS-LOC-DYN-бояться
 Я боюсь падения. (Комментарий: боюсь этого процесса.)

Согласовательный показатель в данных примерах возможен, однако не является обязательным.

Опущение личного префикса возможно только при форме потенциалиса с ядерным падежом. Если же зависимый предикат оформляется показателем периферийного падежа, опущение согласовательного префикса приводит к неграмматичности:

- (46) а. Машинэр сфынклэ/эу кыысфэкъин.
 mašəne-r s-fə-n-č'e/-ew qə-s-fe-qjən
 машина-ABS 1SG.A-водитъ-POT-INS/ADV DIR-1SG.IO-BEN-трудно

- б. *Машинэр фынклэ/эу кыысфэкъин.
 *mašəne-r fə-n-č'e/-ew qə-s-fe-qjən
 машина-ABS водить-POT-INS/-ADV DIR-1SG.IO-BEN-трудно
 'Мне трудно водить машину'.

- (47) а. Сытефэнклэ/сытефэнэу сэщынэ.
 sə-tjefe-n-č'e/-ew s-e-š'əne
 1SG.ABS-падать-POT-INS/ADV 1SG.ABS-DYN-бояться

- б. *Тефэнклэ/тефэнэу сэщынэ.
 *tjefə-n-č'e/-ew s-e-š'əne
 падать-POT-INS /ADV 1SG.ABS-DYN-бояться
 'Я боюсь, что я упаду'.

Таким образом, форма потенциалиса имеет различные синтаксические свойства в контексте различных падежных показателей: при ядерных падежах она номинализована в бóльшей степени, чем при периферийных падежах.

Еще одно свойство, позволяющее судить о внутреннем синтаксисе конструкций с ядерными актантами, – это возможность релятивизации элементов, находящихся внутри зависимой предикации. Если зависимый предикат оформляется периферийным падежом, можно релятивизовать те или именные группы, входящие в состав зависимой предикации:

- (48) a. Машинэу пфынклэ/эу кыпфэкъиныр кэтщэфыгъэп.
maʃən-ew p-fə-n-čʰe/-ew qə-p-fe-qjənə-r
 машина-ADV 2SG.A-ВОДИТЬ-POT-INS/ADV DIR-2SG.IO-BEN-ТРУДНО-ABS
 qe-t-šʰefə-ʋ-ep
 DIR-1PL.A-КУПИТЬ-PST-NEG
 ‘Машину, которую трудно водить, мы не купили’.
- (49) a. КIалэу упIунклэ/эу кыпфэкъиныр нахышылу хьущт.
čʰal-ew wə-p_wə-n-čʰe/-ew qə-p-fe-qjənə-r
 мальчик-ADV 2SG.A-ВОСПИТЫВАТЬ-POT-INS/ADV DIR-2SG.IO-BEN-ТРУДНО-ABS
 nahə-š_wə χ_wə-šʰt
 чем-большой статья-FUT
 ‘Мальчик, которого трудно воспитать, в будущем станет лучше’.

В (48а-49а) мишенью релятивизации является абсолютив в зависимой предикации. Данная именная группа допускает стратегию релятивизации, при которой мишень оформляется обстоятельственным падежом, а зависимый предикат – тем падежом, который приписывается вершине релятивного оборота; и в (48а), и в (49а) это абсолютив.

Если же зависимый предикат представляет собой потенциалис с абсолютивным показателем, такая конструкция носителями отвергается:

- (48) b. *Машинэу пфыныр кыпфэкъиныр кэтщэфыгъэп.
 ***maʃən-ew** p-fə-n-əŋ qə-p-fe-qjənə-r
 машина-ADV 2SG.A-ВОДИТЬ-POT-INS/ADV DIR-2SG.IO-BEN-ТРУДНО-ABS
 qe-t-šʰefə-ʋ-ep
 DIR-1PL.A-КУПИТЬ-PST-NEG
 Машину, которую трудно водить, мы не купили.
- (49) b. *КIалэу упIуныр кыпфэкъиныр нахышылу хьущт.
 ***čʰal-ew** wə-p_wə-nə-r qə-p-fe-qjənə-r
 мальчик-ADV 2SG.A-ВОСПИТЫВАТЬ-POT-ABS DIR-2SG.IO-BEN-ТРУДНО-ABS
 nahə-š_wə χ_wə-šʰt
 чем-большой статья-FUT
 Мальчик, которого трудно воспитать, в будущем станет лучше.

Как представляется, это свидетельствует о том, что формы потенциалиса с ядерными падежами более номинализованны, чем формы с периферийными падежами.

Семантически форма потенциалиса сама по себе представляет собой некоторую «свертку» предикации. Как показано в статье Н.В. Сердобольской «Второе будущее, инфинитив, масдар и супин в адыгейском языке: аргументы за и против единой трактовки» в наст. сб., для

потенциалиса наиболее характерно употребление в зависимой предикации (в КСА, обстоятельственных и относительных предложениях). В независимом предложении данная форма требует восстановления (домысливания) вершинного предиката пропозициональной установки (мнения, эмоции и т.п.).

Таким образом, и потенциалис, и фактивная форма являются в какой-то степени номинализованными конструкциями. Исходя из того, что с этой точки зрения данные формы в КСА противопоставлены третьей стратегии – глагольной основе, оформленной периферийным падежом, возникает предположение, что маркирование ядерными падежами возможно только при номинализации.

Итак, синтаксически СА, оформленные ядерными и периферийными падежами, представляют собой различные конструкции. Как показано ниже, это соответствует семантическим свойствам данных форм. В этой связи имеет смысл противопоставлять три конструкции: потенциалис с ядерным падежом без согласовательных показателей, потенциалис с ядерным падежом и согласовательными показателями и потенциалис с периферийным падежом. Обратимся к семантике данных конструкций.

Если формы потенциалиса с эргативом или абсолютивом употребляются без согласовательных показателей, они интерпретируются особым образом:

(50) Сыгу рихыгыг тыгъосэрэ къэшъоныр.

sə-g _w	r-jə-hə-ʋ	təʋ _w ese.re	qe.š _w e-nə-r
1SG.PR-сердце	LOC-3SG.A-нести-PST	вчерашний	танцевать-POT-ABS

‘Мне понравились вчерашние танцы’.

Информанты комментируют данный пример следующим образом: речь идет о танцах как о мероприятии, например, дискотека в клубе или в гостях (а не о чем-то конкретном танце). Такая интерпретация невозможна при оформлении зависимого предиката согласовательным показателем, а скорее, предпочтителен перевод ‘понравилось танцевать’, т. е. совершать данное действие (или понравилось, как кто-то другой танцевал). Иначе говоря, при опущении согласовательного показателя СА может претерпевать семантический сдвиг, характерный для отглагольных имен в языках мира, – от ситуации к обозначению мероприятия.

Другого рода семантический сдвиг наблюдается в (45) при глаголе š’əne- ‘бояться’. Носители комментируют различие между данными примерами следующим образом: в (45) речь идет о страхе перед самим процессом падения, в отличие от (47а), где нет акцента на процессе.

Хорошо известно, что семантика отглагольных имен довольно часто не выводится тривиальным образом из семантики производного глагола. В ряде случаев она может вполне соответствовать его значению, однако возможны семантические сдвиги, аналогичные (45) и (50). Как представляется, формы потенциалиса без согласовательных показателей в адыгейском языке

в этом смысле проявляют свойства отглагольных имен.

Обратимся теперь к семантике форм потенциалиса с ядерными падежами, при которых согласовательные показатели не опускаются. Как уже говорилось выше, данные конструкции могут употребляться наряду с потенциалисом с периферийным падежом. Что определяет выбор формы СА в таких случаях? При многих матричных предикатах выбор не удалось объяснить, однако для некоторых предикатов были установлены следующие семантические различия.

Рассмотрим глагол рэлэ- 'пытаться', который может иметь значение 'заниматься какого-л. рода деятельностью' либо значение 'стараться, пытаться, пробовать что-л. делать'. При первом значении зависимый предикат в форме потенциалиса маркируется эргативом:

- (51) а. АдыгабзэкIэ седжэным сыпыль.
adəga-bze-č'e s-je-ž'e-nə-**m** sə-pəλ
адыгейский-язык-INS 1SG.ABS-OBL-читать-POT-**ERG** 1SG.ABS-заниматься
'Занимаюсь чтением на адыгейском'.

При втором значении выбирается обстоятельственный падеж:

- б. АдыгабзэкIэ седжэнэу сыпыль.
adəga-bze-č'e s-je-ž'e-n-**ew** sə-pəλ
адыгейский-язык-INS 1SG.ABS-OBL-читать-POT-**ADV** 1SG.ABS-заниматься
'Пытаюсь читать по-адыгейски'.

В контексте ядерного падежа матричный предикат имеет то значение, в котором он употребляется с именным актантом; ср. (51а) и (52):

- (52) спортым пыльбын
sp_wertə-**m** рэлэ-n
спорт-**ERG** заниматься-POT
'заниматься спортом' [Тхаркахо 1991: 198]

Аналогичное различие демонстрирует пара глаголов zəfexhazəɾə- и zəvexhazəɾə- со значением 'собираться'. Примеры (38) и (39) противопоставлены следующим образом:

- (53) Азэмаг оред кыIоным зыфегьэхьазыры.
azemat wered q-ə-?_we-nə-**m** zə-f-j-e-ke-hazəɾə
Азамат песня DIR-3SG.A-говорить-POT-**ERG** RFL.ABS-BEN-3SG.A-DYN-CAUS-готовиться
'Азамат собирается петь'. (Комментарий: еще не выходит на сцену, достает микрофон, гитару и т. п.)

(54) Азэмаг оред кылонэу зегъэхъазыры.

azemat wered q-ə-ʔ_we-n-ew ze-ʋ-e-hazəɾə

Азамат песня DIR-3SG.A-говорить-POT-ADV RFL.ABS-3SG.A-DYN-CAUS-готовиться

‘Азамат собирается петь’. (Комментарий: уже выходит на сцену, сейчас будет петь.)

Глагол zəfeʋehazəɾə- в (53) скорее имеет значение ‘готовиться к чему-л.’, чем ‘собираться’, а глагол zəʋehazəɾə- в (54) обозначает ‘собираться, иметь намерение’¹⁷. В словаре (Тхаркахо 1991: 91) zəfeʋehazəɾə- переводится как ‘готовиться’, а zəʋehazəɾə- и как ‘готовиться’, и как ‘собираться’.

Таким образом, ядерные падежи выбираются для оформления потенциалиса, если глагол выступает в том значении, в котором он может присоединять именные актанты. В противном случае СА оформляется одним из периферийных падежей, т. е. синтаксически и семантически СА с ядерными падежами проявляют свойства имен.

4. Выбор между показателями -ew и -ʃ'e и семантика матричного предиката

Выше было показано, что ряд матричных предикатов адыгейского языка допускает вариативность при оформлении сентенциального актанта (в отличие от именных актантов). Встает вопрос о семантике таких конструкций. Какие факторы влияют на выбор падежа? Верно ли, что варианты оформления выбираются носителями произвольным образом? М.А. Кумахов и К. Вамлинг [1998: 126], анализируя аналогичные примеры из близкородственного адыгейскому кабардинского языка, отмечают, что «[в таких случаях] показатели абсолютного, инструментального и обстоятельственного падежей могут быть функционально настолько близкими, что они допускают взаимозаменяемость», однако не пишут о факторах, влияющих на распределение показателей.

Действительно, согласно суждениям носителей, в ряде случаев варианты с инструментальным и обстоятельственным падежом (а также вариант с ядерным падежом) являются взаимозаменяемыми. Однако в некоторых контекстах одному из вариантов отдается предпочтение. Кроме того, не все предикаты в принципе допускают оба показателя. Ниже мы попытаемся выяснить семантику данных стратегий оформления зависимой предикации.

Необходима следующая оговорка. В п. 3.1 было показано, что конструкции с периферийными падежами не всегда можно считать КСА. При некоторых матричных предикатах

¹⁷ Здесь важна также внутренняя форма данного глагола: hazəɾə переводится как ‘готовый’; глагол zə-ʋe-hazəɾə- представляет собой форму RFL-CAUS-готовый, т. е. ‘готовить себя’ (без валентности на цель); глагол zə-fe-ʋe-hazəɾə- – RFL-BEN-CAUS-готовый, т. е. ‘готовить себя к чему-либо’. Наличие префикса бенефактива fe- в zə-fe-ʋe-hazəɾə- приводит тому, что данный глагол понимается как ‘готовиться’; отсутствие валентности на цель в zə-ʋe-hazəɾə- вызывает значение ‘собираться’ (ср. (54) выше).

мы имеем дело с обстоятельственными предложениями. Представляется, что значения некоторых стратегий оформления КСА развились из значений данных форм в обстоятельственных конструкциях. Поэтому для иллюстрации наших выводов мы будем использовать не только конструкции с матричными предикатами, но и обстоятельственные предложения.

4.1. Зависимая предикация, оформленная инструментальным падежом

Все употребления инструментального падежа при потенцилисе и глагольной основе в КСА можно разделить на три класса:

1. Инструментальный падеж при многих ментальных предикатах вводит значение ирреальности или ложности зависимой ситуации¹⁸:

(55) Ащ етыклэ ельытэ.

a-š' j-e-tə-č'e j-e-λəte
 тот-ERG 3SG.A-DYN-копать-INS 3SG.A-DYN-считать

а. Он думает, что копает. (Он сам не понимает, что плохо работает.)

б. Он делает вид, что копает. (Он ковыряется в земле, а на самом деле не работает.)

Носители предлагают различную интерпретацию данного примера (см. переводы (55а) и (55б)); однако в обоих случаях сохраняется презумпция ложности зависимой предикации. Глагольная основа с обстоятельственным падежом не вводит такую презумпцию; ср.:

(56) Сшынахыкклэ чыыягъэу сэгугъэ.

s-šə-nahə.č'e čəja-b-ew s-e-g_wəke
 1SG.PR-брат-младший спать-PST-ADV 1SG.ABS-DYN-надеяться

Я думаю, что мой младший брат уснул. (Комментарий: возможно, на самом деле, уснул, а возможно, нет.)

Данное значение возникает вне зависимости от временной отнесенности зависимой ситуации; ср., например (57), где СА относится к будущему, и (58), где СА относится к прошедшему времени:

(57) Ар кыщэфыщтыклэ уенэгугя?

a-r q-ə-š'efə-š'tə-č'e w-je-neg_wəj-a
 тот-ABS DIR-3SG.A-покупать-FUT-INS 2SG.ABS-OBL+DYN-думать-Q

Ты думаешь, он это купит? (Я в этом сомневаюсь.)

¹⁸ Данное значение было обнаружено Ю.Л. Кузнецовой.

(58) ЧъыягъэкIэ мэгугъэ.

čəja-ke-č'e me-g_wəve
спать-PST-INS DYN-надеяться

Матери кажется, что он уснул (а он телевизор смотрел).

Ирреальная интерпретация зависимой ситуации, по всей видимости, возникает в контексте показателя будущего времени (57); во всех остальных случаях зависимая ситуация обычно трактуется как ложная.

2. Второе значение определяется следующим. Инструментальный падеж в адыгейском языке грамматикализовался в показатель фрустративного наклонения (см. статью Ю.Л. Кузнецовой «Наклонение в адыгейском языке» в настоящем сборнике). Данная форма имеет значение действия с аннулированным результатом. Соответствующее значение может возникать у формы с показателем -č'e в зависимой предикации, например:

(59) КъэсхьынкIэ / къэсхьыщткIэ – къэсхьын / къэсхьыт ар, ау шъугу рихьыщтмэ сшIэрэп нахь.

qe-s-hə-n/-š't-č'e qe-s-hə-n/-t a-r aw
DIR-1SG.A-нести-POT/FUT-INS DIR-1SG.A-нести-POT/FUT тот-ABS но
š_wə-g_w r-jə-hə-š't-me s-šə-r-ep nah
2PL.PR-сердце LOC-3SG.A-нести-FUT-COND 1SG.A-знать-DYN-NEG чем
'Принести-то принесу ее [вазу], но понравится ли она вам, не знаю'.

(60) ЕджэнкIэ / еджэщткIэ – еджэ, ау пари къыгурылорэп.

je-ž'e-n-č'e/-š't-č'e j-e-ž'e aw par-jə qə-g_wəɾə_we-r-ep
OBL-читать-POT-INS/FUT-INS 3SG.ABS-DYN-читать но что.TO-ADD DIR-понимать-DYN-NEG
'Читать-то он читает, но ничего не понимает'.

Как видно из (59)–(60), в таких конструкциях нейтрализуется противопоставление глагольной основы с показателем будущего времени и потенциалиса: в обоих примерах допустимы обе формы. Согласно суждениям носителей, обстоятельственный падеж (с обеими формами) в таких конструкциях неграмматичен.

3. Третье значение, вводимое инструментальным падежом, обнаруживается в контексте эмотивных, ментальных и оценочных предикатов¹⁹ (см. так же [Мотлохов, Сердобольская 2007]). Остановимся на данном значении подробнее.

¹⁹ Следует уточнить, что, если при данных предикатах зависимый предикат выступает в форме потенциалиса, он может оформляться не только показателем инструментального падежа -č'e, но и с помощью -m-č'e, т. е. варианта инструментального падежа, который используется в контексте имен с определенными референциальными свойствами (см. подробнее п. 3 статьи Н.В. Сердобольской, Ю.Л. Кузнецовой «Двойное падежное маркирование: уникальный случай адыгейского языка» в наст. сб.).

Эмотивные, ментальные и оценочные предикаты, приведенные в табл. 2, можно разделить на следующие три группы:

(А) предикаты, допускающие оформление зависимой предикации только инструментальным, но не обстоятельственным падежом; нами обнаружен только один матричный предикат с такими свойствами – *tχav_we* ‘приятно’:

(61) Ощх кьещхэу кьэпкыхьанкIэ (*эу) тхьагьо.

weš'x q-je.š'x-ew qe-p-k_wə.ha-n-č'e/-ew tχav_we*
дождь DIR-идти.о.дожде-ADV DIR-2SG.A-идти-POT-INS/*-ADV приятно
‘Хорошо (приятно) гулять под дождем’.

(Б) предикаты, допускающие только обстоятельственный, но не инструментальный падеж: *š'əkwəpše-* ‘забывать’, *pələ-* ‘пытаться’, (f)*jeveše-* ‘научить’, *zəvehazəgə-* ‘собираться’ и *g_wəš_we-* ‘радоваться’; кроме того, сюда входят глаголы с семантикой начинательности:

(62) Сэ сычъэн-эу (*сычъэн-кIэ) сежьагь.

*se sə-če-n-ew (*sə-če-n-č'e) s-je-ž'a-k*
я 1SG.ABS-бежать-POT-ADV 1SG.ABS-бежать-POT-INS 1SG.ABS-OBL-начинать-PST
‘Я побежал’ (букв. ‘начал бежать’).

(В) предикаты, допускающие оба варианта (таких случаев большинство); сюда входят эмотивные, ментальные, оценочные предикаты, а также некоторые глаголы речи и потенциальной каузации; приведем примеры с эмотивным глаголом *š'əne-* ‘бояться’:

(63) Ар доскэм дэжь кьыдэкIынкIэ щынэ зэпытыщтыгь.

a-r d_weske-m dež' qə-de-č'ə-n-č'e š'əne-zepətə-š'tə-v
тот-ABS доска-ERG к DIR-LOC-выходить-POT-INS бояться-всегда-AUX-PST
[Учителя его часто вызывали отвечать.] ‘Он всегда боялся выходить к доске’.

(64) Ар мэщынэ икIэлэеджакIохэр университетым кIэмышьашъунхэу.

a-r me-š'əne jə-č'elejež'aq_we-xe-r
тот-ABS DYN-бояться POSS-ученик-PL-ERG
univjersitjetə-m č'e-mə-haš_wə-n-x-ew
университет-ERG LOC-NEG-поступить-POT-PL-ADV
‘Он боится, что его ученики не поступят в университет’.

Для выяснения различий в семантике анализируемых форм носителям адыгейского языка предлагались на перевод с русского небольшие тексты, которые включали предложения с различными матричными предикатами типа (В). Полученные таким образом примеры предлагались другим носителям для подтверждения правильности. В ходе работы удалось сформулировать ряд закономерностей. Разберем примеры.

(67) Мыекъуапэ щыпсэунклэ сенэгуе.

məjɛq_wapɛ ʃʰə-psewə-n-ɕʰe s-j-e-neg_wəjɛ

Майкоп LOC-жить-POT-INS 1SG.ABS-OBL-DYN-думать

‘Я надеюсь, что он будет жить в Майкопе’.

Интересно, что «знак» эмоции (положительная или отрицательная) никак не зависит от семантики матричного предиката, а определяется контекстом и конситуацией. Это говорит о том, что эмотивный компонент появляется в (66)–(67) извне, а не содержится ни в самом матричном предикате, ни в показателе инструментального падежа. Точнее, инструментальный падеж требует наличия какого-либо эмотивного компонента, а выбор конкретной эмоции обуславливается конситуацией. Это отражают переводные эквиваленты данного глагола, предлагаемые К. Парис: ‘надеяться’, ‘думать’, ‘бояться’, ‘размышлять’ [Paris, Vatouka 2005: 366].

Аналогичным образом объясняется распределение инструментального и обстоятельственного падежей с потенциалисом при остальных ментальных глаголах и при эмотивном глаголе g_wəwɛ- ‘надеяться’.

Глагол faj- ‘хотеть’, согласно суждениям некоторых носителей, также допускает оба периферийных падежа (часть информантов отвергает вариант с инструментальным падежом). Как и в русском языке, данный глагол, кроме собственно желания, может обозначать намерение субъекта [Апресян 1995а: 440]. Важно, однако, что в отличие от русского языка в адыгейском значение ‘собираться’ у данного глагола распространено гораздо больше. Инструментальный падеж при данном глаголе оказывается возможным только в контекстах, где выделяется компонент желания, например:

(68) Сэ университетым сыфай сыщеджэнклэ.

se univjersitjetə-m sə-faj sə-ʃʰ-jɛ-ɕʰe-n-ɕʰe

я университет-ERG 1SG.ABS-хотеть 1SG.ABS-LOC-OBL-учиться-POT-INS

‘Я хочу учиться в университете’.

Если же речь идет о намерении, выбирается обстоятельственный падеж:

(69) Iuxʰor Iuxʰəwʰəjɛnɛu syfaj.

?_wəx_wɛ-r ?_wə-s-x_wɛ-ʒʰə-n-ɛw sə-faj

занавеска-ABS LOC-1SG.A-вешать-RE-POT-ADV 1SG.ABS-хотеть

{‘Что ты делаешь? – Взял стул,} хочу повесить занавеску’.

Пример (68) возникает в контексте обсуждения предпочтений субъекта, в то время как в (69) речь скорее идет о планах. Для (68) продолжение типа *но я знаю, что не буду там [в университете] учиться* вполне естественно, в то время как для (69) продолжение *но знаю, что у меня это не выйдет* неприемлемо.

Аналогичное противопоставление возникает при оценочном предикате dɛx_wə ‘хорошо’;

ср.:

(70) О чышъхъэ-мышъхъэхэр пшхынэу дэгъу.

we çə̀ʂhe-mə̀ʂhe-xe-r p-ʂxə-n-ew deк_wə
ты фрукт-PL-ABS 2SG.A-ЕСТЬ-ПОТ-ADV хорошо
'Тебе хорошо (полезно) есть фрукты'.

(71) СыкъыбдэгущыIэнкIэ дэгъу.

sə-qə-b-de-g_wəʂ'ə'e-n-ç'e deк_wə
1SG.ABS-DIR-2SG.IO-COM-разговаривать-ПОТ-INS хорошо
'С тобой хорошо (приятно) разговаривать'.

В (71) данный предикат имеет значение 'приятно', в отличие от (70), где возможен перевод 'полезно'. Иными словами, в контексте инструментального падежа данный предикат обозначает эмоциональное состояние, а в контексте обстоятельственного падежа – оценку.

Аналогичное распределение возникает при всех оценочных предикатах: инструментальный падеж возможен, если оценочный предикат обозначает физическое (например 'трудно' в значении 'тяжело') или эмоциональное состояние (как в (71)), а обстоятельственный падеж употребляется, если речь прежде всего идет о различных видах оценки – в зависимости от контекста это может быть утилитарная (70), нормативная, этическая или другие виды оценки (согласно классификации Н.Д. Арутюновой [1988]).

Как можно видеть, во всех примерах, где СА оформляется показателем -ç'e, в значении матричного предиката выделяется эмотивный компонент. В некоторых случаях данный компонент привносится вне зависимости от значения матричного предиката; при этом конкретное эмоциональное наполнение домысливается, исходя из контекста или конситуации (примеры с глаголом jəneг_wəje- (66)–(67)).

Аналогичная закономерность наблюдается при глаголах, допускающих только обстоятельственный либо только инструментальный падеж. Предикат tɣak_we 'приятно' обозначает эмоциональное или физическое удовольствие и, следовательно, присоединяет форму потенциалиса с инструментальным падежом. Наоборот, глаголы с семантикой начинательности, а также ʂ'əк_wəpʂe- 'забывать', pələ- 'пытаться', (f)jəkeçe- 'научить' и zəkəhazərə- 'собираться' не предполагают наличия эмоциональной составляющей. Следовательно, при них возможен только обстоятельственный падеж.

Итак, можно сделать вывод, что в приведенных примерах инструментальный и обстоятельственный падежи выделяют в семантике матричного предиката эмотивный и вероятностный компонент значения соответственно.

Однако данный вывод оставляет многие факты без объяснения. В частности, в число глаголов, не допускающих инструментального падежа, странным образом попадает глагол g_wəʂ_we-

‘радоваться’, при котором эмотивный компонент гораздо более силен, чем, например, при $j\epsilon n\epsilon g_w \epsilon j\epsilon$ - ‘предполагать’. Далее, не вполне ясно, почему оба падежа возможны при эмотивных предикатах с семантикой ‘любить’, ‘нравиться’ (таких предикатов в таблице 2 три), которые не развивают «вероятностных» значений (более характерных для ‘бояться’ и ‘надеяться’). Например:

(72) Цумпэр къэсыугъоинэу сыгу рихьырэп, ау варенье сшынэу сыфай.

$c_w \epsilon n p r e - r$	$q\epsilon - s\epsilon - w\epsilon k_w \epsilon j\epsilon - n - \epsilon w$	$s\epsilon - g_w$	$r - j - \epsilon - h\epsilon - r - \epsilon p$
клубника-ABS	DIR-1SG.A-собирать-POT-ABS	1SG.PR-сердце	LOC-3SG.A-DYN-нести-DYN-NEG
$a w$	$v a r e n j e$	$s - \xi \epsilon - n - \epsilon w$	$s \epsilon - f a j$
но	варенье	1SG.A-делать-POT-ADV	1SG.A-хотеть

[Ася три часа собирала землянику. Ты так любишь ягоды собирать?] – Мне не нравится собирать клубнику, просто хочется варенье сварить.

Носители утверждают, что в (72) вариант с инструментальным падежом звучит неестественно. Такой вариант выбирается в следующем примере:

(73) Цумпэр къэсыугъоинкIэ сыгу рехьы.

$c_w \epsilon n p r e - r$	$q\epsilon - s\epsilon - w\epsilon k_w \epsilon j\epsilon - n - \xi' \epsilon$	$s\epsilon - g_w$	$r - j - \epsilon - h\epsilon$
клубника-ABS	DIR-1SG.ABS-собирать-POT-INS	1SG.PR-сердце	LOC-3SG.A-DYN-нести

Мне нравится собирать клубнику. (Я получаю удовольствие от самого процесса.)

Семантическое различие между (72) и (73) довольно трудно объяснить с помощью гипотезы об эмотивном компоненте. Встает вопрос о том, какие факторы регулируют выбор падежа в данных примерах.

Непонятно также распределение падежей при глаголах речи и потенциальной каузации, у которых эмотивный компонент в основном отсутствует.

Заметим, что предложенное объяснение касается не всех примеров, рассмотренных в п. 4.1. Как показано в (55)–(60), инструментальный показатель может иметь абсолютно другое значение.

Итак, наличие эмотивного компонента – не главное свойство собственно инструментального падежа: эмотивный оттенок значения появляется под действием какого-то иного семантического компонента. В 4.3 мы попытаемся ответить на вопрос о том, какой это компонент.

4.2. Зависимая предикация, оформленная обстоятельством падежом

Прежде чем мы охарактеризуем основные употребления форм (глагольной основы и потенциалиса) с показателем обстоятельного падежа, необходимо сказать несколько слов о данном показателе в других конструкциях. Как уже говорилось выше (п. 2.2), глагольная основа с обстоятельным падежом в большинстве грамматических описаний трактуется, как

деепричастие. Действительно, наиболее часто данная форма встречается в текстах и примерах для обозначения фонового действия, либо неконечного сказуемого в последовательности действий:

(74) ...Яныо игьунэгьум адэжь кӀуагьэу, лэ шьхьалым плэстапхьэ кьыцихьаджыщтыгь.

janəwe jə-к_wəпек_wə-m a-dež' k_wa-к-ew ?e šhalə-m
 POSS+старуха POSS-сосед-ERG 3PL.PP-к идти-PST-ADV рука мельница-ERG
 pɛstapχe qə-š'-jə-haž'ə-š'tə-к
 каша DIR-LOC-3SG.A-молоть-AUX-PST

Старуха пошла (букв. 'пойдя') к соседям и на ручной мельнице молола муку для каши.

[Керашева 1984, цит. по Керашева 1995: 167]

В принципе, показатель -ew используется для кодирования различного вида обстоятельств, например, наречий, образованных от стативных предикатов (прилагательных); ср.:

(75) псынклэ – псынклэу, дахэ – дахэу

psənç'ɛ – psənç'-ew; daxɛ – dax-ew
 легкий легкий-ADV красивый красивый-ADV
 'легкий' – 'легко'; 'красивый' – 'красиво' [Рогова, Керашева 1966: 334]

Данная форма оформляет вершину релятивного оборота (см. (48a), (49a) и статью Ю.А. Ландера «Множественная релятивизация: подлинная и мнимая» в наст. сб.) и копредикаты [Vydrin 2008], например:

(76) Сэ апэу сыкӀуагь.

se ap-ew sə-k_wa-к
 я первый-ADV 1SG.ABS-идти-PST
 'Я первым пошел'.

Таким образом, обстоятельственный падеж оформляет различные виды присказуемых зависимых – наречия, копредикаты и неконечные сказуемые в нарративе.

Форма потенциалиса с обстоятельственным падежом – одно из основных средств, используемых в целевых конструкциях:

(77) Сэ дакӀом шэкі кьыфэсхьыгь, джанэ кьысфидынэу.

se daκ_we-m šeç' qə-fe-s-hə-к
 я портной-ERG материал DIR-BEN-1SG.A-нести-PST
 ž'ane qə-s-f-jə-də-n-ew
 платье DIR-1SG.IO-BEN-3SG.A-шить-POT-ADV

'Я принесла портному материал, чтобы он сшил платье'.

В КСА показатель -ew возникает в следующих случаях. Во-первых, данный показатель

оформляет глагольную основу при ментальных глаголах, глаголах речи и восприятия. На первый взгляд, в этих контекстах данная стратегия не противопоставляется фактивной форме. Рассмотрим следующий пример:

- (78) а. Сэ Азамат янэ-ятэхэм яслагъ, Азэмагъ мыщ зэрэщемыджэжьыщтыр.
 se azemat jane-jate-xe-m ja-s-?_wa-в azemat мэ-š'
 я Азамат мать-отец-PL-ERG ЗPL.Ю+OBL-1SG.A-говорить-PST Азамат этот-ERG
 zere-š'-je-mэ-ž'e-ž'э-š'tэ-r
 FCT-LOC-OBL-NEG-читать-RE-FUT-ABS
- б. ...щемыджэжьыщтэу яслагъ.
 ...š'-je-mэ-ž'e-ž'э-š't-ew ja-s-?_wa-в
 LOC-OBL-выходить-RE-FUT-ABS ЗPL.Ю+OBL-1SG.A-говорить-PST
 а=б. 'Я сказал родителям Азамата, что он не будет больше у нас учиться'.

Оба примера описывают одну и ту же ситуацию. Однако носители комментируют данные примеры различным образом. Пример (78а) может прозвучать, если говорящему (и, возможно, слушающему) заранее известна ситуация в зависимой предикации, т. е. если решение о том, что Азамат не будет у них учиться, уже было принято. Наоборот, (78б) естественно звучит, если данное решение было принято говорящим собственно в момент речи, и воплощено в действие именно самим высказыванием. Иными словами, (78б) представляет собой перформативное употребление, в то время как (78а) возможно, если есть презумпция истинности зависимой ситуации. Закономерно, что при этом в (78а) выбирается фактивная форма.

Во-вторых, показатель -ew оформляет потенциалис почти при всех матричных предикатах, приведенных в табл. 2. При глаголах потенциальной каузации и глаголах речевой каузации данная стратегия обозначает цель (как и в обстоятельственных предложениях (77)):

- (79) Сэ еслагъ Азэмагъ урокым чэкыжьынэу.
 se je-s-?_wa-в azemat wə_wekə-m če-č'э-ž'э-n-ew
 я OBL-1SG.A-говорить-PST Азамат урок-ERG LOC-выходить-RE-POT-ADV
 'Я велел Азамату уйти с урока'.

При эмотивных, ментальных и оценочных предикатах обстоятельственный падеж при потенциалисе оформляет зависимую предикацию, если эмотивный компонент значения не выдвигается на первый план (см. п 4.1). Однако данное наблюдение дает только информацию о том, какую функцию данный показатель не выполняет, но не о том, какое значение он выражает. Обобщая примеры (64)–(65), можно сказать, что обстоятельственный падеж используется для обозначения вероятностной оценки. Данный компонент находится в ассерции толкования при глаголе š'эне- 'бояться' в (64); он является основным для глагола jeneg_wэje- 'предполагать'. Однако остальные употребления не подходят под такое определение: трудно усмотреть вероятностный

компонент при глаголе faj 'хотеть' (69), de_wə 'хорошо' (70) и əg_w rjehə- 'нравиться' (72).

На наш взгляд, более важным в употреблении обстоятельственного падежа является следующее: предикация, оформленная обстоятельственным падежом, обязательно принадлежит реме, как, например, в (80).

(80) Чэщныкъом о щэр тэ къипхыщта? – Тигъунэгъу шъузым илэнэу сэгугъэ.

č'eš'nəq_we-m we š'e-r te q-jə-p-xə-š't-a t-jə-к_wənek_w
полночь-ERG ты молоко-ABS где DIR-LOC-2SG.A-братъ-FUT-Q 1PL.PR-POSS-сосед

š_wəzə-m jə-ʔe-n-ew s-e-g_wəke
жена-ERG LOC-быть-POT-ADV 1SG.ABS-DYN-надеяться

'Где ты среди ночи молоко возьмешь? – Надеюсь, что у соседки еще есть'.

В этом заключается существенное отличие форм с обстоятельственным падежом от форм с инструментальным падежом. Рассмотрим поведение данных форм в фокусе вопроса:

(81) О нахь уикласэр тыгъэм зебгъэунэу ара? Хъауми зыбгъэпсклынэу ара? (*кIэ)

we nah w-jə-č'ase-r təke-m z-je-b-кewə-n-ew (*-č'e)
ты более 2SG.PR-POSS-любимый-ABS солнце-ERG RFL.ABS-OBL-2SG.A-загорать-POT-ADV(INS)

ar-a? hawəmjə zə-b-кe-pskə-n-ew ar-a?
тот:PRED-Q или RFL.ABS-2SG.A-CAUS-купаться-POT-ADV тот:PRED-Q

'Ты любишь загорать? Или больше купаться?'

Как видно из (81), формы с показателем -ew могут употребляться в фокусе вопроса в отличие от форм с показателем -č'e. Для более точного указания на место фокуса вопроса может быть выбрана специальная фокусная конструкция (см. статью Н.Р. Сумбатовой «Коммуникативная структура адыгейского предложения: перспектива и фокус» в наст. сб.), или ментальный предикат может быть оформлен, как вводный:

(82) Уятэ тэ щыла? – Сэ зэрэсшIошырэмкIэ IофшIэм щыIэн фае.

w-jate te š'ə-ʔ-a se zere-s-š_wešə-re-m-č'e
2SG.PR-POSS+отец где LOC-быть-Q я FCT-1SG.A-казаться-DYN-ERG-INS

ʔ_wef-š_e-m š'ə-ʔe-n faje
работа-делать-ERG LOC-быть-POT надо

'Где отец? Я думаю, он (должен быть) на работе' (букв. 'как я думаю').

Однако такая конструкция выбирается не всегда; сдвиг фокуса вопроса на зависимую предикацию может быть передан интонацией, как в (81). Это возможно, даже если вопросительная частица оформляет непосредственно главный предикат; ср.:

(83) Уубытынэу тхаматэ уеклолыгыгага?

wə-wəbətə-n-ew thamate w-je.k_we.λə-va-β-a

2SG.A-захватить-POT-ADV начальник 2SG.ABS-зайти-PST-PST-Q

‘Ты приходил, чтобы застать директора?’ (‘Или по другому поводу?’)

Однако форма на -ew не обязательно сама по себе формирует фокус вопроса; она может оформлять и асертивный компонент предложения:

(84) Экзаменыр ытынэу уэгугьа?

ekzamenə-r ə-tə-n-ew w-e-g_wəβ_w-a

экзамен-ABS 3SG.A-давать-POT-ADV 2SG.ABS-DYN-надеяться-Q

‘А ты уверен, что он сдаст экзамен?’ (‘Или сомневаешься?’)

Очевидно, формы с обстоятельственным падежом тяготеют к рематическому компоненту высказывания: употребление таких форм в теме невозможно; ср. (59)–(60) в 4.1. Иные свойства проявляет форма с показателем инструментального падежа: она может находиться и в теме, и в реме высказывания; позиция фокуса вопроса для нее нехарактерна.

Закономерно, что данная форма может возникать в контексте вопросительной связки, только если вопрос относится ко всему предложению:

(85) Оцынэ уизакъоу уклонкэ ара?

w-e-š'əne w-jə-zaq_w-ew wə-k_we-n-č'e ar-a?

2SG.ABS-DYN-бояться 2SG.PR-POSS-один-ADV 2SG.ABS-идти-POT-INS TOT:PRED-Q

‘Боишься ли (одна) ходить, не правда ли, боишься?’ (Дети дразнят девочку.)

Такие примеры обычно интерпретируются как вопрос к главному предикату (см. перевод). В фокусной конструкции со связкой предикат оформляется, как вершина релятивного оборота, например в (81) он присоединяет показатель абсолютива. В (85), напротив, этого не происходит, главный предикат оформляется так же, как в независимом предложении. По-видимому, (85) представляет собой не фокусную конструкцию, а независимое повествовательное предложение с переспросом в конце.

Таким образом, можно сделать вывод, что формы на -ew (глагольная основа и потенциалис), в отличие от форм на -č'e, принадлежат к асертивному компоненту высказывания (в частности, могут выступать в фокусе ремы или фокусе вопроса). Чтобы охарактеризовать семантику данных форм, рассмотрим несколько примеров.

Как говорилось выше, при глаголах речи и восприятия, а также при ментальных глаголах глагольная основа с обстоятельственным падежом функционирует наряду с фактивной формой. В (78b) было показано, что форма с обстоятельственным падежом используется при перформативном прочтении глагола речи. Второй вариант прочтения данной формы при глаголе речи представлен в следующем примере:

(86) Непэ ошх къещхынэу алуагъ.

njepe weš'x q-je.š'xə-n-ew a-ʔ_wa-в

сегодня дождь DIR-идти.о.дожде-POT-ADV ЗРЛ.А-говорить-PST

‘Сказали, что сегодня дождь будет’. (По радио передавали прогноз погоды. Неизвестно, оправдается ли он.)

(87) Сянэ еслуагъэп оценкэ дэй къызэрэхьыгъэр.

s-jane je-s-ʔ_wa-в-ep ocenke dej qə-zere-s-hə-ve-r

1SG.PR-POSS+мать OBL-1SG.A-говорить-PST-NEG оценка плохой DIR-FCT-1SG.A-нести-PST-ABS

‘Я не сказал маме, что получил плохую оценку’. (Получил и не сказал об этом.)

Тем самым при данных глаголах фактивная форма используется для обозначения факта; в остальных контекстах выбирается глагольная основа с показателем -ew. Такие контексты в семантике характеризуются терминами «пропозиция» [Арутюнова 1988; Подлеская 1990] или «пропозитивный компонент с нейтральной модальностью» по [Падучева 1986]. Имеется в виду пропозиция в узком смысле слова – понятие, которое обсуждается применительно к КСА наряду с понятиями факта и события. Если противопоставление факта и события важно в контексте глаголов восприятия (*видеть, как* и *видеть, что*) и некоторых ментальных глаголов (например *помнить*), то противопоставление факта и пропозиции релевантно для ментальных и речевых глаголов.

Пропозиция, как и факт, характеризуется, как элемент ментального пространства. Основное различие между ними состоит в следующем: истинность факта находится в презумпции, следовательно, факт не подлежит оценке по параметру истинности. В отличие от факта истинностное значение утверждения, содержащегося в пропозиции, нейтрально, т. е. неизвестно, является ли пропозиция истинной или ложной (как в (86)). Например:

(88) а. Иван не знал, что его обманывают.

б. Иван думал, что его обманывают.

В (88а), несмотря на то что матричный предикат присоединяет отрицание, зависимая предикация сохраняет свою истинность. Следовательно, зависимая предикация обозначает факт. Наоборот, в (88б) вне зависимости от выбора оператора при матричном предикате (утверждение, отрицание или вопрос) неизвестно, является ли утверждение в СА истинным или ложным (в конкретном случае это может уточняться, например, соответствующей интонацией говорящего и т.п.). Иначе говоря, как и в адыгейских примерах (86) и (87), различие заключается в том, есть ли презумпция истинности зависимой предикации.

Нейтральное значение параметра истинности пропозиции трактуется Е.В. Падучевой [2004] в рамках понятия снятой утвердительности. Как указывает Падучева, один из контекстов снятой утвердительности – перформативные глаголы. Это объясняет возможность перформативного

прочтения глаголов речи при СА с показателем -ew (78б). В принципе, все контексты, допускающие форму с обстоятельственным падежом, – целевые конструкции (77), контекст неконечного сказуемого в описании последовательности действий (74), глаголы с семантикой начинательности (62), первичные матричные предикаты и т. д. – входят в число контекстов снятой утвердительности, перечисляемых Е.В. Падучевой.

Поскольку факт имеет презумпцию известности, он обычно не выступает в качестве сообщаемого [Янко 2001: 242–245]. Наоборот, пропозиция чаще всего принадлежит ассертивному компоненту высказывания. Это объясняет тяготение форм с показателем -ew к ассерции; см. (80)–(84) выше.

Как показывает Т.Е. Янко относительно русского языка, КСА с фактом и пропозицией обнаруживают некоторые просодические различия:

(89) (Установив номер телефон, можно напасть наконец на след Фернана) – полиция знала ↘, что он укрывается где-то в деревне неподалеку от Парижа. [Янко 2001: 244] ФАКТ

Фактивные предикаты чаще всего являются носителем главного фразового ударения (89), так как они обычно входят в фокус ремы. СА при таких предикатах обычно вводит информацию, истинность которой находится в пресуппозиции и, следовательно, является в высказывании данным или частично активированным.

Наоборот, при предикатах, вводящих пропозицию, новой информацией чаще всего является СА; главный предикат входит в состав ассерции, но не является фокусом ремы. В результате главное фразовое ударение чаще всего падает на СА:

(90) (Ты много занимался весь год.) Я думаю, (что) ты сдашь ↘ экзамен. ПРОПОЗИЦИЯ

Различие в интонационном выделении матричного и зависимого предиката наблюдается также в адыгейском языке. Довольно часто формы с инструментальным и обстоятельственным падежами в речи носителей противопоставлены интонационно.

(91) Пчэдыжьым жьэу сыкъэтэджынкIэ/эу сыгу рехьы.

рч'edəž'ə-m ž'-ew sə-qe-tež'ə-n-č'e/-ew

утро-ERG ранний-ADV 1SG.ABS-DIR-вставить-POT-INS/ADV

sə-g_w r-j-e-hə

1SG.PR-сердце LOC-3SG.A-DYN-нести

‘Мне нравится вставить рано утром’.

В (91) ударно произносится форма səqetež'ənew; если же выбирается форма səqetež'ənč'e, ударение может смещаться на матричный предикат. То есть, форма с обстоятельственным падежом требует интонационного выделения СА, как и в русском примере (90).

Противопоставление факта и пропозиции в СА чаще всего иллюстрируют примерами с

матричными глаголами с семантикой ‘знать’ и ‘думать’: глаголы ‘знать’ в различных языках обычно присоединяют СА со значением факта, а ‘думать’ – пропозиции (см., например [Подлесская 1990]). В адыгейском языке глагол ξe - ‘знать’ чаще всего присоединяет фактивную форму, а различные глаголы с семантикой ‘думать’, ‘полагать’ – глагольную основу или потенциалис (в зависимости от временной отнесенности СА: глагольная основа используется при отнесенности к настоящему или прошедшему временному плану, как в (93а), потенциалис – при отнесенности к плану будущего) с показателем $-ew$:

(92) Чыгур зэрэхъураер зэкӀэми яшӀэ.

$\xi ag_w \text{ә-г}$ zere- χ_w әraje-г zeč'e-m-jә ja- ξe
 земля-ABS FCT-круглый-ABS все-ERG-ADD 3PL.A+DYN-знать
 ‘Все знают, что земля круглая’.

(93) а. Чыгур хъураеу сӀлъытӀэ.

$\xi ag_w \text{ә-г}$ χ_w әraj-ew s-e- λ әte
 земля-ABS круглый-ADV 1SG.ABS-DYN-считать
 ‘Я думаю, что земля круглая’.

При различных предикатах с семантикой ‘думать, считать’ (λ әte-, $\xi'e\chi_w \text{ә-}$ и др.) употребление фактивной формы приводит к неграмматичности:

(93) б. *Чыгур зэрэхъураер сӀлъытӀэ.

* $\xi ag_w \text{ә-г}$ zere- χ_w әraje-г s-e- λ әte
 земля-ABS FCT-круглый-ABS 1SG.ABS-DYN-считать
 ожидаемое значение: ‘Я думаю, что земля круглая’.

СА с обстоятельственным падежом при ξe - ‘знать’ довольно часто запрещается носителями:

(94) а. *Азэмаат къӀэклонӀэу сӀшӀӀэ.

*azemat qe- k_w e-n-ew s-e- ξe
 Азамат DIR-идти-POT-ADV 1SG.A-DYN-знать

(94) б. Азэмаат къызӀэрӀкӀощтыр сӀшӀӀэ.

azemat qә-zere- k_w e-š'tә-г s-e- ξe
 Азамат DIR-FCT-идти-FUT-ABS 1SG.A-DYN-знать
 ‘Я знаю, что Азамат придет’.

Данная стратегия оформления, однако, возможна, если ‘знать’ выступает в контекстах, в которых фактивность СА аннулируется [Крейдлиן 1983]. Речь идет о контексте вопроса, ирреального условия и др. В контексте вопроса адыгейский глагол ‘знать’ может претерпевать семантический сдвиг в сторону ‘быть уверенным’ (как и русский глагол *знать*; см. [Апресян

1995б]). При этом СА обозначает не факт, а пропозицию, и, следовательно, может кодироваться обстоятельством падежом:

- (95) Азэма^т къэклонэу уэшл^а?
azemat qe-k_we-n-ew w-e-š-a?
Азамат DIR-идти-POT-ADV 2SG.A-DYN-знать-Q
'Ты уверен, что Азамат придет?'

Снятие фактивности возникает также в некоторых модальных контекстах, например в условном наклонении. В этом контексте может выбираться инструментальный падеж:

- (96) Псэуныгэ уилэнклэ шлэмэ къыпфэсымышлэн щылэп.
psewəpəke w-jə-ʔe-n-č'e s-še-me
здоровье 2SG.A-LOC-быть-POT-INS 1SG.ABS-знать-COND
qə-p-fe-sə-mə-še-n š'ə-ʔ-ep
DIR-2SG.IO-BEN-1SG.A-NEG-делать-POT LOC-быть-NEG
'Чтобы ты был здоров, я ничего не пожалею' (букв. 'Если бы я знал, что ты будешь здоров, такого, чего бы я не отдал, нет').

В данном случае СА является фактом только в гипотетическом мире, который воображает себе говорящий. В реальном мире данная ситуация не имеет места. Следовательно, здесь невозможна ни фактивная форма, ни обстоятельный падеж – т.к. обстоятельный падеж требует, чтобы контекст был неспецифицирован по параметру истинности, а в данном контексте зависимая ситуация в принципе ложна. Поэтому в (96) выбирается инструментальный падеж (как показано в (55)–(58), инструментальный падеж может вводить ирреальные или ложные СА).

Следовательно, можно заключить, что обстоятельный падеж в КСА используется для обозначения пропозиции.

4.3. Семантика инструментального падежа в КСА: выводы

Вернемся к показателю инструментального падежа. Как объяснить особенности функционирования данного показателя в КСА? Все употребления инструментального падежа, перечисленные в п. 4.1, группируются вокруг двух основных значений. Первым является значение ирреальности (ложности) ситуации в (55)–(58) (сюда же мы относим примеры с фрустративным значением (59)–(60); как представляется, именно фрустративное значение дало развитие для употребления указанных стратегий в ирреальных и ложных контекстах в КСА). Второе значение обуславливает появление эмотивного компонента в (61)–(71). Кроме того, есть ряд необъясненных случаев: это недопустимость инструментального падежа при некоторых эмотивных предикатах (g_wəš_we- 'радоваться' и feg_wəbžə- 'сердиться') и, наоборот, допустимость инструментального падежа при глаголах речи и потенциальной каузации, в семантике которых

отсутствует эмотивный компонент.

Как кажется, первое значение инструментального показателя в КСА является развитием фрустративного употребления обсуждаемых форм. Ю.Л. Кузнецова (статья «Наклонение в адыгейском языке» в наст. сб.) считает фрустратив в адыгейском языке одним из видов антирезультатива, а именно таким, при котором не происходит перехода от конечной точки к результирующему состоянию. Это значение может быть проиллюстрировано следующим примером: 'Ну и что, что она сшила платье – мне оно малó'. Данное значение может возникать у рассматриваемых форм в полипредикации (59)–(60). Можно предположить, что отсутствие результата в контексте предикатов пропозициональной установки дает значение ирреальности, а в некоторых контекстах может развивать значение ложности зависимой ситуации.

Данное значение возникает также при глаголах речи и потенциальной каузации: например, предикат $g_w\text{ә}\text{š}'\text{ә}'\text{е}$ $jet\text{ә-}$ 'обещать' чаще всего присоединяет потенциалис с обстоятельственным падежом. Инструментальный падеж возможен довольно редко, а именно в контекстах невыполнения обещания («обещал, но не сделал») или когда говорящий сомневается в том, что обещание будет выполнено. В таких употреблениях форма с инструментальным падежом может переводиться на русский такими союзами, как *будто, якобы* и т.п.

Перейдем ко второму значению. В п. 4.1 показано, что инструментальный падеж выделяет эмотивный компонент в семантике матричного предиката (если идет речь об эмотивном или оценочном предикате) или «достаивает» данный компонент, исходя из контекста или конситуации (при ментальных предикатах). Однако ряд употреблений указывает на то, что эмотивный компонент не содержится непосредственно в семантике инструментального падежа, а возникает под действием другого семантического компонента. Мы предполагаем, что этот компонент – событие в смысле [Арутюнова 1988]; [Подлеская 1990] и др.

В работе [Зализняк 1992] показано, что в толкование многих эмотивных предикатов пропозиция, выражающая стимул эмоции, входит, как минимум, дважды – один раз как «образ ситуации», а другой раз «будучи обернутой в “ментальную оболочку”». Вернемся к примерам (63)–(64), которые мы повторяем здесь как (97) и (98):

(97) Ар доскэм дэжь кыдэкIынкIэ щынэ зэпытыщтыгь.

a-r $d_w\text{eske-m}$ $de\text{ž}'$ $q\text{ә-de-}\check{c}'\text{ә-n-}\check{c}'\text{е}$ $\check{s}'\text{әne-zep\text{ә}t\text{ә-}\check{s}'\text{t\text{ә-k}}$

ТОТ-ABS доска-ERG к DIR-LOC-выходить-POT-INS бояться-всегда-AUX-PST

(Учителя его часто вызывали отвечать.) 'Он всегда боялся выходить к доске'.

(98) Ар мэщынэ иклэлэеджаклохэр университетым клэмышьашъунхэу.

a-r me-š'əne jə-č'elejež'ak_we-xe-r

TOT-ABS DYN-бояться POSS-ученик-PL-ERG

univjersitjetə-m č'e-mə-haš_wə-n-x-ew

университет-ERG LOC-NEG-поступить-POT-PL-ADV

‘Он боится, что его ученики не поступят в университет’.

Предложение *Он всегда боялся выходить к доске* включает в себя смыслы предложений (а) *Он не хотел выходить к доске* и (б) *Он считал вероятным, что выйдет к доске*. В смысл (98) подчиненная пропозиция входит дважды: как ситуация (а) и как пропозиция (б) (аналогичные рассуждения проводит Анна А. Зализняк относительно русского глагола *надеяться*). Иначе говоря, эмотивный компонент выделяется, если СА обозначает событие, а ментальный компонент – если СА обозначает пропозицию. По-видимому, инструментальный падеж в (97) служит для обозначения события, в противоположность обстоятельству (98), который кодирует пропозицию. Соответственно, событийная семантика инструментального показателя в большей степени сочетается с эмотивным значением матричного предиката, а семантика пропозиции, которую вносит обстоятельный падеж, – с ментальным прочтением.

В табл. 2 показано, что не все эмотивные глаголы допускают потенциалис с показателем -č'e. Глаголы g_wəš_we- ‘радоваться’ и feg_wəbžə- ‘сердиться’ требуют оформления СА фактивной формой. Это объясняется следующим. Эмотивные глаголы, как и ментальные, делятся на фактивные и нефактивные [Kiparsky, Kiparsky 1971: 363-365]. Для первых нужен стимул реально существующий или оцениваемый как существующий в будущем с вероятностью, равной единице (например *Мы были рады, что сможем помочь нашей Родине своим трудом в это тяжелое время* [Блок-Баерс Р., Узин С.В. Нью-Йорк-Москва-Сибирь по этапу (1996) // Звезда, 2001, НКРЯ]), а следовательно, имеющий презумтивный статус: при соответствующих предикатах стимул эмоции выражается фактивной формой. При глаголах с семантикой ‘бояться’, ‘надеяться’ и ‘мечтать’ стимул эмоции локализован в гипотетическом будущем, т. е. зависимая ситуация оценивается как имеющая ненулевую вероятность, но тем не менее отличную от единицы. Соответственно данные предикаты допускают оформление предикатных актантов потенциалисом с показателем -č'e.

Наконец, существуют предикаты, допускающие оба способа оформления, – это три глагола с семантикой ‘любить’, ‘нравиться’ и глагол jezeš'ə- ‘надоедать’. Данные глаголы допускают как фактивную форму, так и потенциалис с падежными показателями; см. табл. 2 (глагол jezeš'ə ‘надоедать’ может также присоединять глагольную основу с падежными показателями). На наш взгляд, распределение падежных показателей при данных глаголах объясняется следующим. Данные глаголы могут вводить факт (отсюда возможность употребления при них фактивной формы), однако не обязательно являются фактивными. Что происходит, если СА при данных

предикатах оформляется потенциалисом с падежными показателями? Вернемся к примерам (72) и (73) (повторим их здесь под номерами 99 и 100):

(99) Цумпэр къэсыугъоинэу сыгу рихьырэп, ау варенье сшынэу сыфай.

с_wэmpе-г qe-sə-wəx_wejə-n-ew sə-g_w r-j-ə-hə-r-ep
 клубника-ABS DIR-1SG.A-собирать-POT-ABS 1SG.PR-сердце LOC-3SG.A-DYN-нести-DYN-NEG
 aw varenje s-şə-n-ew sə-faj
 но варенье 1SG.A-делать-POT-ADV 1SG.A-хотеть

(Ася 3 часа собирала землянику. ‘Ты так любишь ягоды собирать?’) – ‘Мне не нравится собирать клубнику, просто хочется варенье сварить’.

(100) Цумпэр къэсыугъоинкӀэ сыгу рехьы.

с_wэmpе-г qe-sə-wəx_wejə-n-ç'e sə-g_w r-j-e-hə
 клубника-ABS DIR-1SG.A-собирать-POT-INS 1SG.PR-сердце LOC-3SG.A-DYN-нести
 ‘Мне нравится собирать клубнику’. (Я получаю удовольствие от самого процесса.)

Оба предложения обозначают гипотетическую ситуацию (следовательно, употребляется потенциалис), которая оценивается говорящим как положительная. Различие между данными примерами достаточно тонкое: в (100) описываемое действие, сбор клубники, рассматривается как процесс, во всех его деталях, в то время как в (99) за счет появления отрицания данное действие предстает в оболочке ментального представления. Закономерно, что в (100) выбирается показатель инструментального падежа, который вводит событие, самим ходом своего протекания вызывающее реакцию экспериенцера. Наоборот, в (99) СА вводит элемент ментального пространства. По-видимому, перечисленные предикаты в адыгейском языке допускают все три типа зависимой ситуации – факт (соответствующий пример мы не приводим, так как в таком контексте однозначно выбирается фактивная форма), событие и пропозицию²⁰.

Оценочные предикаты допускают как инструментальный, так и обстоятельственный падеж (за исключением tɣax_we ‘приятно’), поскольку они могут обозначать и эмоцию, и оценку, а следовательно, присоединять событие и пропозицию соответственно. Следует обратить внимание на то, что при оценочных предикатах инструментальный падеж может способствовать выделению не только эмотивного компонента, но и компонента физического состояния. А именно: qjəp ‘трудно’ с инструментальным падежом имеет значение ‘эмоционально трудно’ или ‘физически

²⁰ Необходимо сделать следующую оговорку: в различных исследованиях, посвященных семантике КСА, понятие пропозиции используется для обозначения СА при матричных предикатах «думать», «считать», «воображать» и др. В настоящей работе мы, следуя терминологии В.И. Подлесской [1990], расширяем данное понятие на СА глаголов потенциальной каузации, таких как «собираться», «обещать» и т. п. Как представляется, СА при данных глаголах в полной мере обладает свойствами пропозиции (с предикатом в будущем времени), а именно обозначают ситуацию, которой не приписано истинностное значение.

тяжело'; $de_{w\text{э}}$ 'хорошо' – 'положительная эмоция', как в (102), или 'физическое удовольствие'.

(101) СыкъыбдэгущыIэнкIэ дэгъу. (=71)

$s\text{э}-q\text{э}-b-de-g_{w\text{э}}\text{э}\text{ш}'\text{э}'\text{е}-n-\text{ц}'\text{е}$ $de_{w\text{э}}$
1SG.ABS-DIR-2SG.A-COM-разговаривать-POT-INS хорошо
'С тобой хорошо (приятно) разговаривать'.

Это означает, что инструментальный падеж не связан собственно с эмотивным компонентом, а может выделять данный компонент наряду с компонентом физического состояния. Этот факт легко объяснить, исходя из предположения, что формы с инструментальным падежом обозначают событие. Для события характерно сочетаться с теми матричными предикатами, которые не содержат ментальной составляющей. Например, хорошо известно, что глаголы восприятия в языках мира, присоединяя событие, имеют значение «непосредственного» восприятия (*Я видел, как вы дрались*). Если же глагол 'видеть' присоединяет факт или пропозицию (*Я вижу, что ты не готов к уроку*), он по своим свойствам становится ближе к ментальным предикатам. Непосредственно воспринимается не зависящая ситуация *ты не готов к уроку*, а некоторые ее проявления, в результате чего говорящий делает логический вывод. Такое употребление характеризуется термином «когнитивное восприятие», т. е. восприятие вместе с оценкой ситуации [Арутюнова 1989].

Аналогичным образом эмотивные и оценочные предикаты могут употребляться в эмотивном значении ('мне нравится', 'хорошо' в значении 'приятно') либо в оценочном значении ('мне нравится, хорошо' в значении 'я считаю это правильным/ выгодным/ полезным'). В контексте первого значения зависящая предикация является событием, в контексте второго – фактом или пропозицией, т. е. событие вызывает непосредственную реакцию субъекта (непосредственное восприятие, эмоцию или физическое состояние), а факт или пропозиция требует наличия ментальной оболочки (когнитивное восприятие или оценка).

Для ментальных глаголов в принципе нехарактерен контекст события: предикаты с семантикой 'знать', 'думать', 'полагать' в языках мира обычно присоединяют факт или пропозицию. Действительно, СА при данных глаголах чаще всего кодируются обстоятельственным падежом; ср. (102). Однако в адыгейском языке они, очевидно, обладают более гибкой семантикой, позволяющей им присоединять эмоциональный компонент значения²¹. В таком

²¹ Интересно, что граница между ментальной оценкой и эмоцией также размывается в семантике глагола $g_{w\text{э}}\text{э}be-$ 'надеяться'. Как и в русском языке, данный глагол может иметь в ассерции толкования не только эмотивный, но и вероятностный компонент [Зализняк 1992]: 'оценивая Р как положительное, считаю наступление данного события вероятным'. Однако в отличие от русского языка, данный глагол также может иметь значение 'считать, полагать' без какой бы то ни было эмоциональной составляющей. В таком значении носители с легкостью разрешают употребление данного глагола, даже если зависящая

случае они могут присоединять СА с инструментальным падежом (103)–(104).

(102) Сенэгуе тлу къэсхьынэу. (=65)

s-j-e-neg_wəje t_wə qe-s-hə-n-ew
1SG.ABS-OBL-DYN-предполагать два DIR-1SG.A-получать-POT-ADV
'Я думаю/мне кажется, что я получу двойку'.

(103) Клалэр шлоклодынклэ енэгуе. (=66)

č'ale-r š_we-k_wedə-n-č'e j-e-neg_wəje
парень-ABS MAL-терять-POT-INS OBL-DYN-предполагать
'Она боится, что потеряет парня'.

(104) Мыекьуапэ щыпсэунклэ сенэгуе. (=67)

məjeq_wape š'ə-psewə-n-č'e s-j-e-neg_wəje
Майкоп LOC-жить-POT-INS 1SG.ABS-OBL-DYN-думать
'Я надеюсь, что он будет жить в Майкопе'.

Аналогичная аргументация может быть применена для объяснения распределения инструментального и обстоятельственного падежей при глаголах faj- 'хотеть' и ježe- 'ждать'. Выше было показано, что глагол faj- допускает СА с инструментальным падежом только в контексте желания (105); в контексте намерения выбирается обстоятельственный падеж (106).

(105) Сэ университетым сыфай сыщеджэнклэ. (=68)

se univjersitjetə-m sə-faj sə-š'-e-ž'e-n-č'e
я университет-ERG 1SG.ABS-хотеть 1SG.ABS-LOC-OBL-учиться-POT-INS
'Я хочу учиться в университете'.

(106) лухьор лусхьожьынэу сыфай. (=69)

?_wəχ_we-r ?_wə-s-χ_we-ž'ə-n-ew sə-faj.
занавеска-ABS LOC-1SG.A-вешать-RE-POT-ADV 1SG.ABS-хотеть
'(Что ты делаешь? – Взял стул,) хочу повесить занавеску'.

По-видимому, это обусловлено тем, что из двух значений данного глагола событие может возникать только в контексте желания: зависимая ситуация вызывает непосредственные эмоции говорящего (105). Напротив, в значении намерения говорящий не выражает эмоции по отношению к зависимой ситуации, а сообщает о чьих-либо планах. В таком случае ситуация не воспринимается непосредственно, а анализируется извне, т. е. в «ментальной оболочке». Следовательно, СА маркируется средством, обозначающим пропозицию, т. е. обстоятельственным падежом (106).

Таким образом, при эмотивных, оценочных и ментальных предикатах показатель $-č'e$ оформляет СА, которые вводят не факт, а событие (потенциальное, если $-č'e$ оформляет потенциалис, и реальное – если глагольную основу). Встает вопрос, как такое значение связано с семантикой показателя $-č'e$ при именах (инструмент, пролатив, и т. д.; см. статью Н.В. Сердобольской, Ю.Л. Кузнецовой «Двойное падежное маркирование: уникальный случай адыгейского языка» в наст. сб.). В принципе, семантика события в языках мира хорошо сочетается с семантикой образа действия – во многих языках в КСА для обозначения события и образа действия используются одни и те же средства (например союз *как* в русском языке и т. п.). Как показано в упомянутой статье, инструментальный падеж может использоваться для обозначения образа действия (однако довольно ограниченно). Кажется вероятным предположение, что событийное значение показателя $-č'e$ в КСА развилось именно из данных употреблений²² (такое развитие весьма характерно для различных языков; ср., например русский союз *как*).

Итак, семантическое различие между СА с инструментальным падежом и СА с обстоятельственным падежом во всех случаях, обсуждавшихся в п. 4, может быть сформулировано в терминах противопоставления события и пропозиции (в противоположность фактивной форме, которая кодирует факт). При этом зависимый предикат может быть оформлен временным показателем либо маркером потенциалиса. Выбор между глагольной основой и потенциалисом осуществляется на основе временной отнесенности зависимой ситуации, а именно: если действие в зависимой предикации предшествует действию в главной либо происходит одновременно с ним, используется глагольная основа с показателем прошедшего или настоящего времени:

(108) ЧъыягъэкIэ мэгугъэ. (58)

čəjə-ke-č'e me-g_wəve

спать-PST-INS DYN-надеяться

‘Матери кажется, что он уснул’ (а он телевизор смотрел).

Если ситуация локализована в будущем, то используется будущее время либо потенциалис, например (107). Наконец, если зависимая ситуация не имеет временной отнесенности, например если идет речь о родовой ситуации, то также может быть использовано будущее время или потенциалис:

(109) ЕджэнкIэ / еджэцткIэ – еджэ, ау пари къыгурьIорэп. (= 60)

jə-ž'e-n-č'e/-š't-č'e j-e-ž'e aw par-jə qə-g_wəgə_we-r-ep

OBL-читать-POT-INS/FUT-INS 3SG.ABS-DYN-читать но что.TO-ADD DIR-понимать-DYN-NEG

‘Читать-то он читает, но ничего не понимает’.

²² Также, очевидно, на данных употреблениях базируется значение отглагольных имен на $-č'e$ «манера, способ действия»; см. (23) со значением образа действия.

Таким образом, если зависимая ситуация локализована в будущем либо не имеет временной отнесенности, семантическое противопоставление между будущим временем и потенциалисом нейтрализуется. Однако следует уточнить, что в таких контекстах чаще всего употребляется потенциалис. По-видимому, это обусловлено особой семантикой потенциалиса. Как показано в статье Н.В. Сердобольской «Второе будущее, инфинитив, масдар и супин в адыгейском языке: аргументы за и против единой трактовки» в наст. сб., данная форма употребляется по большей части в нефинитной предикации либо в недекларативных речевых актах.

5. Заключение

Адыгейский язык обладает широким инвентарем средств кодирования сентенциальных актантов. При этом наблюдается интересное явление, в меньшей степени присутствующее в других языках: практически при всех матричных предикатах адыгейского языка допускается оформление СА так называемыми периферийными падежами, т. е. показателями, которые чаще всего используются для маркирования различного рода обстоятельств. Однако, как показывает анализ некоторых матричных предикатов, использование данных средств далеко не всегда приводит к тому, что зависимая предикация получает статус обстоятельственного предложения. Зависимая предикация довольно часто сохраняет статус актанта.

Система стратегий кодирования СА в адыгейском языке организована следующим образом: как и во многих языках, различным образом кодируются факт, событие и пропозиция. Для обозначения факта используется фактивная форма, событие кодируется инструментальным падежом, пропозиция с нейтральным истинностным значением – обстоятельственным падежом. Если зависимая предикация отсылает к ирреальной или ложной пропозиции, используется инструментальный падеж. Если зависимая предикация обозначает ситуацию в будущем или ситуацию с родовым референциальным статусом (*Мне нравится петь*), зависимый предикат оформляется потенциалисом; если речь идет о ситуации в прошлом или настоящем, используется глагольная основа с соответствующим временным маркером.

Таблица 3. Семантика зависимой ситуации и распределение стратегий оформления СА

Значение СА	Действие СА происходит одновременно или предшествует действию в главной предикации	Действие СА следует за действием в главной предикации или не имеет временной отнесенности
Факт	Фактивная форма (с показателем настоящего, прошедшего или первого будущего времени)	
Пропозиция	Глагольная основа с обстоятельственным падежом	Потенциалис (реже первое будущее) с обстоятельственным падежом
Ирреальная или ложная ситуация	Глагольная основа с инструментальным падежом	
Событие	Глагольная основа с инструментальным падежом	

Интересно, что в адыгейском языке более последовательно проводятся семантические различия между такими типами зависимых ситуаций, как факт, событие и пропозиция, чем в языках «среднеевропейского стандарта». Для европейских языков характерна полисеманτικότητα стратегий оформления СА. Например, в русском языке союз *что* может маркировать как пропозицию, так и факт (*Я знаю/думаю, что он сдал экзамен*), отглагольные существительные используются для обозначения факта, события или образа действия [Арутюнова 1988]. В адыгейском для каждого из названных понятий зарезервирована отдельная стратегия.

В отличие от многих языков европейского типа в адыгейском языке оказывается важным более последовательное противопоставление факта, события и пропозиции как в реальном, так и в потенциальном контексте. Во многих европейских языках в контексте потенциальной ситуации (при глаголах *бояться, надеяться, обещать* и др.) более релевантен не фактор семантики СА, а кореферентность субъекта зависимой ситуации субъекту / объекту в главной. При кореферентности чаще всего используется инфинитив, в противном случае – союз *что/чтобы*. В адыгейском языке выбор стратегии оформления СА при первичных матричных глаголах никак не связан с наличием / отсутствием кореферентности тех или иных актантов главной и зависимой предикации. Более важным оказывается семантическое противопоставление события и пропозиции при данных глаголах.

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: «Наука», 1974. (цит. по переизд.: Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. I. М.: Школа «Языки русской культуры», «Издательство восточной литературы», 1995.)

Апресян Ю.Д. Хотеть и его синонимы: заметки о словах // Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. II.

- Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995а. С. 434–452.
- Апресян Ю.Д.* Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // Вопросы языкознания, 1995, № 4. М.: Наука, 1995б. С. 43–64.
- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: «Наука», 1988.
- Арутюнова Н.Д.* «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Наука, 1989. С. 7–31.
- Водождоков Х.Д.* Русско-адыгейский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960.
- Герасимов Д.В., Ландер Ю.А.* Релятивизация под маской номинализации и фактивный аргумент в адыгейском языке // Исследования по глагольной деривации / Под ред. В.А. Плунгяна, С.Г. Татевосова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 290–313.
- Зализняк Анна А.* О понятии «факт» в лингвистической семантике // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Наука, 1990. С. 21–33.
- Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Otto Sagner, 1992.
- Зекох У. С.* К проблеме осложнённого предложения в адыгейском языке // Строение предложения в адыгейском языке. Майкоп: Адыгейский НИИ экономики, языки, литературы и истории, 1976. С. 72–105.
- Зекох У.С.* Адыгейская грамматика. Майкоп: Адыгея, 2002.
- Катенина Т. Е.* Язык хинди. Москва: Изд-во Восточной литературы, 1960.
- Керашева З.И.* Предложения с финитными и инфинитными глаголами в адыгских языках. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
- Керашева З.И.* Избранные труды и статьи, т. I. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 1995.
- Киммельман В.И.* Грамматикализация первичных стивных предикатов в адыгейском языке // Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Вып. II / Отв. ред. Д.П. Бак. М.: РГГУ, 2007. С. 288–310.
- Крейдлин Г.Е.* О некоторых особенностях синтаксического поведения предикатов с сентенциальными актантами // Семиотика и информатика. Вып. 21. М.: ВИНТИ, 1983.
- Крейдлин Г.Е., Рахилина Е.В.* Денотативный статус отглагольных имен // Научно-техническая информация. 1981. Серия 2, № 12. С. 17–22.
- Кумахов М.А.* Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. М.; Нальчик: Кабардино-балкарское книжное издательство, 1964.

- Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989.
- Кумахов М.А., Вамлинг К. Дополнительные конструкции в кабардинском языке. М.: ИЯ РАН, 1998.
- Мотлохов А.В., Сердобольская Н.В. Семантика главного предиката и выбор оформления сентенциального актанта в адыгейском языке // Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Вып. II. / отв. ред. Д.П. Бак. М.: РГГУ, 2007. С. 310–324.
- Недялков В.П. Заметки по типологии двупредикатных конструкций. Опыт исчисления // Значение и смысл речевых образований (межвузовский тематический сборник). Калинин: Калининский государственный университет, 1979. С. 35–47.
- Падучева Е.В. О референции языковых выражений с непредметным значением // Научно-техническая информация, 1986, серия 2, № 1. С. 23–31.
- Падучева Е.В. Эффект снятой утвердительности // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». Труды международной конференции Диалог' 2004 («Верхневолжский», 2–7 июня 2004). М.: Наука, 2004. С. 479–487.
- Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Парадоксы валентностей // Семиотика и информатика, вып. 36. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 108-120.
- Подлеская В.И. «Факты», «события» и «пропозиции» в свете фактов японского языка // Вопросы языкознания, 1990, № 4. М.: Наука, 1990. С. 93-106.
- Рogaва Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1966.
- Тхаркахо Ю.А. Адыгейско-русский словарь. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991.
- Храковский В.С. (отв. ред.) Типология конструкций с предикатными актантами. Ленинград: Наука, 1985.
- Храковский В.С. Понятие сирконстанта и его статус // Семиотика и информатика, вып. 36. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 141-154.
- Шаов Ж.А. Адыгейско-русский словарь. Майкоп: Адыгейский НИИ экономики, языка, литературы и истории, 1975.
- Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Dixon R. M. W. Complement Clauses and Complementation Strategies // F. R. Palmer (ed.). Grammar and Meaning. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, pp. 175–221.
- Jelinek E, Demers R. Predicates and Pronominal Arguments in Straits Salish // Language, 1994, 70.4, pp. 697–736.
- Kiparsky P., Kiparsky C. Fact // L. Jakobovits and D. Steinberg (eds.) Semantics: An Interdisciplinary Reader. Cambridge University Press, 1971.
- Noonan M. Complementation // T. Shopen (ed.) 1985. Language Typology and Syntactic Description, v.

2: Complex Constructions. Cambridge University Press, 1985, pp. 42–140.

Paris C., Batouka N. Dictionnaire abzakh (tscherkesse occidentale), v. 1: Dictionnaire abzakh-français. Louvain, Paris, Dudley: Peeters, 2005.

Vydrin A. Are there depictives in Adyghe? // *Chr. Schroeder, G. Hentschel, W. Boeder (eds.)* Secondary predicates in Eastern European languages and beyond (Studia Slavica Oldenburgensia, № 16). Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky-Universität, 2008, pp. 423–445.